

Алексей АКИШИН

с. Павино, Костромская область

БЕСЕДКА ПОД ВЕТАМИ

повесть

1

Фамилия у Федора Фомича не рыба была, да и вообще от рек и озер очень далекая — Петрухин. Видимо, в предках далеких у него какой-то Петруха был. Но в деревне фамилии его почти никто не знал, кроме почтальонки, которая газету да пенсию ему справно носила, а иной раз просто опровергать забегала, о новостях своих девичьих с хозяйкой его пооткровенничать, да и Пескаря она не сторонилась — тот своими шутками-прибаутками развлекал, а иной раз и молодился, жены своей не стесняясь, — норювился то шлепнуть легонько ее по мягкому месту, то украдкой подходил сзади и лапал, будто медведь кряж осиноый обнимал. Старики столетние деревенские, у которых еще родителей его не вышибло из памяти, и те не сразу могли вспомнить и, прежде чем назвать Федора Фоми-

ча по фамилии, плешь себе долго мозолили и в небо смотрели, будто искали в нем что-то.

Фамилию ему прозвище еще с детских лет заменило — Пескарь. Он его сам себе с первой своей рыбалки вместе с уловом принес: бежал домой и на всю деревню звенел, как колокольчик: «Пескаря поймал! Пескаря поймал!» Так и окрестили его — «Пескарь». Сначала кто-то из мальчишек-острословов такое прозвище к нему прилепил, а потом пошло-поехало — называть стали Федора на новый лад всем миром. Так его звать-величать не только в деревне, а в округе всей стали. Так прочно оно к нему приклеилось, что, только назови его, и стар и мал, не задумываясь, рукой покажут, где он живет, а если не было дома, безошибочно говорили, где искать надо. Он же Пескарь — на реке, стало быть...

Федор Фомич не крысился, что его так прозвали. Наоборот, ему даже самому нравилось. Только из-за прозвища он — к бабке не ходи — безошибочно узнавал, кто и зачем к нему наведывался. Пескарем называли — значит, без дела особого к нему прибегали: то покурить, то посидеть, от нечего делать языком потрепать, то вообще не к нему, а к хозяйке — жене его Настасье Петровне. Но когда кто-то по имени-отчеству его, — ушки на макушке держал: неспроста пришли — что-то просить будут или уговаривать помочь в чем-то...

Рыбалка для него сызмальства была отрадой, а на пенсию вышел — совсем на ней помешался. Не удастся когда на речку сбегать — ходит туча тучей и день этот считает пропавшим, прожитым впустую. Но ноги, видать, в последние годы подводить стали — то ли ревматизм, то ли другая хворь к ним привязалась, а может, и годы уже сказываться начали: захлябили. Раньше он по всей реке волчком заводным крутился, туда-сюда с удочками мотался, устали никакой не зная, а тут поугомонился, далеко забираться не стал. Пескарь омут подле деревни облюбовал себе — широкий, густыми кустами с обоих берегов плененный. Здесь есть где и с удочками во все плечо размахнуться, и от дома близко: даже усталый и с ногами невмоготу — шалаяй-валяй добредешь. Место он себе под пышным ивовым кустом облюбовал, с топориком там прошелся — лишнее повырубил, которые ветки да сучья — под ноги сложил, из других сиденку себе смастерил. На берег вышел, посмотрел сверху вниз — самому любо-дорого! Раньше здесь плюнуть некуда было, а не то что к воде добраться. По всему берегу — ивняк густым плотным забором, а теперь у него и проход прочищен, да так, что с распущенными удочками смело к реке спускайся — путанки не будет.

День сюда Пескарь ходит, второй... Нравится ему здесь. И людей — раз-два и обчелся, все стороной поверху это место, будто прокаженное, обходят и его, кажется, в такой густой зелени не замечают, и клев — куда хошь!

А в тот вечер Пескарю удача никаким боком не привалилась, мимо прошла. И тучка, из-за леса вынырнувшая, была всего-ничего, и даже на грозовую не похожа, раздалась над ним во всю ширь — на дрожжах будто выросла, все небо заполонила. Бабахнул гром. Резкий, раскатистый, будто с небес бульжники один крупнее другого упали и с грохотом укатились куда-то вдаль. Потом стихло, будто вымерло все кругом, но ненадолго. Со стороны леса стал волною шум приближаться. Дождь хлынул разом, да такой густой, крупный, что Пескарь в мгновение ока сухого места на себе не находил. Даже ивовый куст его от такой леи оборонить не мог. Спички отсырели — коробок даже распался, сигареты — сплошная каша. Федор удочки тут оставил и под проливным дождем уплелся домой.

В тепле да под плескотнек падающей с крыши воды его вдруг осенило: там на омуте беседку поставить — тогда ему любая непогодь — трынтрава будет, чуть начнет поливать — шмыг под крышу и сиди в ус не дуй.

Гроза еще и не утихомирилась. Пескарь уже под окнами промельтешил — к соседу Василию в сапогах на босу ногу по лужам ухлюпал идеей своей поделиться.

Сосед почти вдвое моложе Пескаря. На вид медведь медведем — ходит вразвалочку, силищи немерено, а вот лицом до обидного на молодлицу похож. Гладкое, доброе, ресницы да брови — густые, длинные, словно из хвостов белчихьх наклеены...

Он выслушал своего неожиданного в такую грозовую пору гостя и встал перед ним, оперевшись на свой колченогий старинный стол:

— Задумка твоя неплохая, — рассудил Василий. — Делай! Чем смогу — подсоблю. Глядишь, потом, — подмигнул он Пескарю, — и я к тебе в гости забегу. С удочкой или без — бабка надвое сказала. Рыбак я сам знаешь какой! Удочку уже года три с чердака не снимал. Да и вряд ли когда достану, а вот с бутылочкой после получки — за мной не заржавеет. Место там у тебя больно подходящее — и от дороги палкой можно добросить, и в кустах таких днем с огнем не сыскать. Даже моя, хотя и ишейка ишейкой, и та, наверное, не сразу найдет — того и гляди, саму искать придется — заплутается в ивняке...

Глаза у Пескаря загорелись, он быка за рога — не поспалось даже. На другой же день он на всякий случай к соседу заскочил, обмолвился, что за дело свое уже берется, не откладывая на потом, а уже с сегодняшнего дня. Василий на работу поехал, и Пескарь с ним. Он соседу удочку забросил, словом обмолвился: на пилораме у хозяина побывать надо, похристарачничать перед ним, авось да что-нибудь из пиломатериалов удастся выпросить.

Сосед — душа нараспашку: эко дело! Садись, какой, мол, разговор! На пилораме Пескарю повезло — Сергей Александрович, которого обычно хоть с собаками в розыск отправляйся, был на месте — в своей уютной конторке. Федор Фомич к нему, пояснил что и как. Тот ляссы с ним долго точить не стал, понял все и оборвал на полуслове:

— Дело хорошее — грех не помочь! Пошли!

Хозяин пилорамы — грузный и брюхатый, будто баба на сносях, пыхтящим паровозом повел Пескаря за пилораму, где уже вовсю гудели электромоторы и взвизгивали пилы. Драли глотки мужики, сясь перекричать этот шум. Они мелькали в проеме дощатой стены — белые в опилках, будто напудренные.

— Здесь, — отдышался Сергей Александрович и показал на гору свежих, густо пахнувших смолою отходов, — хоть что выбирай! А можешь и всё забрать — пусть хоть в дело пойдет, чем в бросню... Наотбираешь — провешишь, я у себя буду. Может, трактор к сей поре освободится... Но, — погрозил пальцем Серега-барин, — не разбрасывай! Чтобы все кучно было! Порядок он и есть порядок, — подчеркнул он, — везде должен быть...

Но Пескарь почти не слышал эти слова или слышал их, но только наполовину, — остальные, будто ласточки перед дождем, меж ушей пролетали или выше головы. Он смотрел на отвальную кучу, и глаза разбегались: столько всего! Сучкастые бревна-тонкомеры, опилыши брусьев, досок, горбыль... Да из такого добра не толь неказистую беседку построить можно, но и терем возвести царский!

Федор пришел на пилораму без голиц, посмотрел на свои ладони и сплюнул в сторону: «Да ничего с вами не делается! Подумаешь, занозина-другая вопьется! Не белоручка...»

Он черным вороном копошился на запорошенной опилками куче, откладывая в сторону годные ему доски и брусья. Пескарь вымерял их длину на глаз, прикидывал доски к плечу, будто ружье, и навскидку пристреливал их — прямые ли?

В работе он не сразу и заметил подошедшего сзади хозяина пилорамы.

— Как дела? Нашел что-нибудь стоящее? — с ходу спросил он, вытирая платком потный лоб.

— Да уж мне хватит, пожалуй! — отозвался Федор. — Вон скоко! — показал он на аккуратно сложенный штабель.

— Материал-то весь бросовый — худо-нахудо! — поморщился барин. — Лес прошлой зимой таковский попался! Добавь-ка вон из того штабеля досок десятка два, а то и три — не жалко, — показал он рукой на другую сторону пилорамы. — Пойдем помогу — там несподручно одному! Да ты и без перчаток?! Кто так работа-

ет? Ведь все руки, наверное, в кровь изодрал....

Он неторопливо снял с пояса мобильник, поднес к уху, громко скомандовал:

— Перчатки сюда быстро — одна нога на складе, другая — здесь! Куда, куда? Да на пилораму! Две пары захвати... И на меня тоже. Бегом!

Распорядившись, Сергей Александрович нараспашагу побрел к высокому штабелю, накрытому прижатой брусьями брезентухой. Пескарь посеменял за ним вслед.

Из-за пилорамы птицей вылетел чубатый рыжий парень в новой синей спецовке:

— Сергей Александрович! — крикнул он на ходу. — Перчатки кому?

— Ты что, Дима, ослепошарел? Нас видишь?

Тот резко остановился, словно пред ним невидимая высокая преграда, и стал столбом:

— Вижу...

— Значит быть нам! Давай сюда!

Первым попавшим под руки батогом хозяин пилорамы скинул со штабеля брусья. Освобожденный от груза брезент только сшуршал по сухим доскам и упал под ноги Пескарю и хозяину лесопилки.

— А ну-ка, Димка, валяй наверх — ряда два досок скинуть надо. Я, — признался хозяин лесопилки, — что-то уже неловок стал... Старость, видать, подходит.

Рыжеватый сплюнул на ладони и векшей влетел на штабель, стал быстро подавать доски стоящему на торце Пескарю. Тот едва успевал изворачиваться — тут уж не до укладки!

Ряд, другой — десятка полтора досок сбросил рыжий шустряк и замер на верхотуре, будто памятник на постаменте:

— Хватит? — сложил он руки козырьком, пряча глаза от слепящего яркого солнца, и, не дожидаясь ответа, выпалил: — Тогда вниз сигаю!

— Я тебе сигаю! — на полном серьезе погрозил кулаком Сергей Александрович. — Башку себе свернуть захотел? И мне из-за тебя головомайки не нужны — бегай потом да объясняйся! По торцу слазь...

Но тот только рукой махнул и с криком прыгнул вниз с высоко поднятыми руками, будто он в омут глубокий кунается — глубину меряет. Оказавшись на земле, прыгун подскокил горным бараном и тут же сорвался с места — побег в свой шумный пилоцех.

— Наказать бы тебя надо за это, — пробормотал ему вслед хозяин. — Ни о чем не думаешь! А ну, — кряхтя, он прогнулся назад, — и мой черед настал кости поразмять. Давай в одну кучу стаскаем, грузить будет подручнее...

Они уже несколько раз обернулись туда-сюда. Сергей Александрович промокнул свое раскрасневшее лицо, будто он не доски под мышкой таскал, а в парной на каменку плескал да веником сам себя дубасил, присел на поставленный напопа опилыш толстого соснового комля:

— Давай отдохнем! Что-то тяжело и даже дурно стало... Мотор, — постучал он себя по груди, — барахлить начинает. Такая туша, видать, непосильной ему становится...

Сергей Александрович достал из кармана баночку, отсыпал в ладонь несколько таблеток и горстью замахнул их в рот.

— Сейчас полегчает, — тихо проговорил он, кивая на лежащие под ногами доски, — и эти потихоньку на место пристроим... Беседку, говоришь, на берегу Яшкиного омута хочешь поставить? Дело доброе, конечно, хотя и работы будет — днем-другим вряд ли обойдешься. Но вот беда-то... — Сергей Александрович задумался, уставился в безоблачное и отливающее голубизной небо. — Года два назад тоже давал лесу мужикам и машину даже, чтоб до места его довезти. Задумали домик на Ветлуге поставить и для себя, да и для других тоже. Построили, комар носа не подточит — человек восемь могли ночевать, не тесниться. Печку сделали, лежанки двухэтажные... А теперь все это только в помине и существует. Спалили, дотла сожгли. Сейчас уже и пожарище на том месте давно малинником затянуло...

Пескаря от услышанного даже передернуло будто в ознобе.

— Да ты раньше времени дрожжами не торгуй! — заметил это Серега-барин. — Тут же деревня рядом, рыбаки по берегу, как мураши, с весны до самых белых мух бегают. Пакостить-то как? У всех на виду...

— Да как можно? На такое разве только ненормальный да пыльным мешком из-за угла стукнутый и решатся, — согласился с хозяином пилорамы Пескарь. — По рукам таким негодникам давать надо! Совесть-то где?

— Совесть? Да не в ней главное, — рассудил Сергей Александрович, натягивая перчатки на

свои пухлые, будто изжаленные пчелами руки, — родины малой у людей в душах нет. Дома общего у нас не стало. Весь по бревнышкам раскатан... Перекурил? Тогда начали — нечего резину тянуть! Вот будет беседка — тогда и посидим, посудачим обо всем. Первым у тебя в гостях побываю! Да с окурком осторожней — деревяшки кругом! Пыхнет — и моргнуть не успеешь! Проверь...

Все доски перенести не успели. По дороге, петляющей меж штабелей бревен и досок, замелькала соседская синяя «Нива», резко скрипнула тормозами и остановилась рядом с мужиками. Сосед Василий хлопнул дверьми и подошел к ним, обменялся рукопожатиями.

— Во сосед дает! — скалясь во всю ширь, засмеялся он. — Сергея Александровича — и того припахал и в пот вогнал! Эксплуататор, однако же! Тебе бы в начальники — все бы как белки в колесе закрутились!

— Да он сам мне в помощники набился, — смущенно ответил Пескарь.

— Мне же это в охотку! — добавил Сергей Александрович. — А то пиво не пью, а брюхо пыжится и пыжится — скоро ног своих видеть не буду. Разминаться надо. Да и как не подсобить хорошему человеку да ради дела хорошего. А начальник из него, — посмотрел он на Пескаря, — куда бы с добром вышел! Хватка у него есть — крепкая такая, мужицкая!

— Тогда что? Грузим? — будто выстрелил, стрельнул вопросами Василий.

— Куда? — вытаращил глаза хозяин лесопилки.

— На багажник! Не все, конечно, но скольнибудь увезу...

— Да брось ты свою колымагу мучить! И много ли на багажнике увезешь? С гулькин нос! Сейчас трактор пригоним и все за один раз заберем и до самого места доставим! А то придумал тоже — на «Ниве»... Валяй обратно — на обед, вижу, поехал. У хозяйки щи, наверное, уже стынут на столе. Дуй домой — без тебя управимся. Потом ему, — кивнул он на Пескаря, — время выкроишь да на месте лучше поможешь. Строить в одиночку — дело незавидное...

Василий пожал плечами: как, мол, хотите — дело ваше. Он развернулся — только его и видели: мелькнул в прогалах меж штабелей и исчез, будто и не бывало.

Подъехал «Беларусь», по-козлиному подп-

рыгивая на выбоинах засыпанной опилками дороги и громыхая пустой телегой. Сергей Александрович будто дирижировал на сцене, размахивал руками и показывал трактористу, куда подрулить, а потом, когда тракторист выпрыгнул из кабины, сам забрался в кузов:

— Давай подавай! — крикнул он то ли Пескарю, то ли трактористу, или обоим вместе и за сучил рукава. Снизу он был похож на борца какой-то японской борьбы, приготовившегося к решающей схватке: сгорбленный, с полусогнутыми руками-клещами... Сначала он взялся рьяно, успевал за обоими мужиками, но потом, видать, выдохся и пошел на попятную, крикнул, еле дух переводя:

— Мужики, сбавьте обороты! Убегался уже! Не успеваю...

Когда все было погружено, Сергей Александрович прохлопал о тележный борт перчатки и подошел к Пескарю:

— Телегу сами опростаете! Чего-то мне тяжело стало... Потребуется еще — приходи. Да, — задумался он, — гвоздями, наверное, смогу помочь, только надо посмотреть, какие там у нас на складе остались. Подойдешь... Но только, — уже на ходу бросил Сергей Александрович, — чтоб беседка была как игрушка, а то из моего материала да курам на смех — такого не надо! Понял? Делай так, чтобы я от позора да стыда не краснел...

Домой Пескарь прибрел уже под вечер. Все доски и брусья он в одиночку уложил в штабель через прокладки, разметил место, где поставит беседку, и уже мысленно представлял ее. Он был на седьмом небе — затея его, еще вчера вызывавшая какие-то сомнения, завладела всем нутром. «Вот говорили, что мне на пенсии делать будет нечего, от скуки помру, а у меня дел теперь выше крыши. Да и на всю округу потом слава обо мне пойдет. Вот, мол, умная голова, додумался...» — думал он.

2

В то утро по деревне слух от дома к дому Змейкой невидимой пробежал: у Пескаря с головой что-то не в ладах, что-то, мол, похожее на тихое помешательство — другие с удочками, а он с лопатой да топором на реку бегают. Да и вид

у него какой-то непонятный — идет, улыбается, сам с собою разговаривает и ни на кого глаз не воротит, и даже, кажется, людей не узнает. Но вскоре пересуды такие стихли.

А Пескарь не знал и не ведал, что там о нем в деревне толкуют. О затее своей он особо не трезвонил — знали о ней сосед Василий да хозяин пилорамы. Тракторист — тот, похоже, парень ни рыба ни мясо — пиломатериал привез, а зачем — так и не распочухал да и знать, видимо, не хотел. Мое, мол, дело холопское, а не барское: сказали отвезти — отвез, скажут: обратно забери и привези — сделаю, глазом не моргну. Мне, мол, что — хоть куда готов, лишь бы деньги платили да смена зазря не пропала...

Пескарь, забыв про все на свете и не обращая никакого внимания на шумные рыбки всплески, вымерял берег чернем лопаты, отмечал колышками, где будет копать ямы под столбики уже за ночь сложившейся в его голове беседки. К вечеру основание ее уже было готово, но не без помощи. Василий после работы заглянул, помог столбики установить и вкопать, обнести их брусом.

— Таким макаром если и дальше у нас пойдет, — смеялся Василий, — нам с тобой фирму строительную открывать надо. Утром было шаром покати, а теперь на что-то похоже стало — видно, что стройка, да и немалая, затевается.

— Скажешь тоже! — будто от мухи отмахнулся Пескарь. — Это у тебя силищи немерено, можно и бревна на горбине таскать — трелевочник нанимать не надо. А из меня, безкишного, какой строитель? Вот такие дощечки, — кивнул он на штабель, — и то не все под силу будут. Но как-нибудь сделаю...

— Тут ты загибаешь! — погрозил шутливо Василий. — Неужто я не знаю тебя? «Как-нибудь» у тебя не получится! Сам так себе не позволишь... У тебя все везде, где ни хвати, сделано так, что комар носа не подточит. И тут промашку не дашь!

Пескарь только хмыкнул в ответ. Ему и в самом деле хотелось поставить здесь на берегу такую беседку, чтобы все в деревне потом дивились и ахали, поклоны ему били и по имени-отчеству называли, будто начальника большого или учителя. А то все, как надо подлизаться к нему и что-то выклянчить, — так Федор Фомич!

Да бывает еще и с поклонами подъезжают, чело́м быют, как перед барином. А так — Пескарь да Пескарь!

Федор Фомич тайлся от людей, не хотел, чтобы до поры до времени все в деревне узнали о его задумке. Он страсть не любил работать в окружении зевак, которые стоят перед ним руки в брюки, переминаются с ноги на ногу, но без конца подсказывают, советуют и предлагают посидеть, покурить. Поэтому и дома он сторонился людей — все делал незаметно, крадучись. Бывало по весне проснутся соседи, протрут глазенки и диву даются: вечером у Пескаря в огороде еще и конь не валялся, а утром — грядка-другая вскопана, выровнена да, похоже, и посажена даже, и, главное, под окном у него — никого, вымерло будто. Вставал он в такие дни ни свет ни заря и еще до первых петухов брался за работу, а как только в деревне дымки над крышами появятся или калитки робко начнут перекликаться друг с другом, он прислушивался и, горбатясь, убегал с огорода, будто паук со своей растянутой паутины. А зимой Пескарь еще свой колун в руки не брал и в глаза, может, не видел, но все в деревне с точностью до дня угадывали, когда он свои дрова колотить станет. Накануне в безлюдные вечера он обносил их высоким круговым забором из чураков, а потом швырял вовнутрь колун и ловкой обезьяной залезал туда сам и добровольно заточался в этой тюрьме-клетке — часами тогда беспрестанно бухал его увесистый топор, звенели на морозе свежие колотые дрова...

Но с беседкой у него такой номер не прошел. Пила его маленькая, будто игрушечная, выдала его с потрохами. Только завел, пилить начал, видать — услышали ее тихий, почти как шмелиный звук, мальчишки незнакомые — из села, видимо, мимо пробегали. Пробрались они партизанами сквозь кусты и всей ватагой на полянке выстроились. Стоят позади Пескаря, языки прикусили, молчат и за ним наблюдают. Обернулся он — вздрогнул даже от неожиданности, пила-малютка чуть было из рук на землю не грохнулась...

— А что вы тут строите? — разом ожили и чуть ли не наперебой затараторили мальчишки.

Пескарю делать нечего — враспloch застали. Вопрос в лоб — он даже придумать того, как бы

слукавить и лапшу на уши ребятам навесить, не успел, — пришлось признаваться:

— Беседку вот решил построить...

— А зачем? — полюбопытствовал самый маленький белобрысый мальчишка. — Жить, что ли, здесь собираешься?

— А может, и буду! Старуха из дому выгонит, а мне и не страшно — своя изба скоро будет! Река рядом, до магазина за хлебом да табаком — раз плюнуть...

— В самом деле? Не врешь?

— А чего мне врать? — лукаво усмехнулся Пескарь, довольный тем, что так ловко удалось обвести вокруг пальца этих доверчивых мальцов.

«Эх! — посмотрел он пристальнее на них. — Плохо, что у нас в деревне таких мальчуганов не стало, да и девок — раз-два и обчелся! Перевелась ребятня. А то я бы и их взбаламутил... И им бы дело нашел».

Ребята переминались с ноги на ногу, переглядывались по сторонам, готовые вот-вот сорваться с места и так же незаметно, как и пришли, скрыться в кустах.

— Да нет, — заметив в ребятах перемены, начал признаваться Пескарь, — жить я здесь не буду. Ни свету, ни печки в моем домике не будет. А без этого — труба дело! И околоть зимой можно, и от скуки помереть...

— Печку железную поставить! От аккумулятора свет провести! Приемник на батарейках!.. — перебивая друг дружку, зашебетали мальчишки.

— Н-е-ет, — растянул Пескарь, — беседка — она на то и беседка, не для житья ставится здесь, а чтобы отдыхать. Приду я на рыбалку, а вдруг дождь да с грозой еще. Я — сюда! Под крышу — и не мочит, и сажу будто дома — чаек попиваю. Перевала скатится — я выйду из нее и уже на реке.

— А нам можно будет приходиться?

— Почему нельзя? Приходите — отдохайте...

— Ура! — звонко разнеслось вдоль речки и эхом отозвалось в ближайшем лесу. — Теперь и мы сюда ходить будем!

Мальчишки сыскаса посмотрели на кричащего, кто-то из них, видимо, самый озорной, натянул ему кепку на нос, осторожно заперешептывались:

— В карты играть ходить будем... И в пазлы тоже... На рыбалку — здесь же омут о-го-го ка-

кой! Дна не достанешь! Коряги вытаскаем, купаться будем!

Пескарь ухо наострил, повернулся к ним боком и даже ладонь локатором к затылку приставил, чтобы услышать, о чем там секретничают мальчишки... Что-то у них он понял, что-то до него только отрывками донеслось, но все-таки уловил: понравилась ребятам его затея! И он рубанул воздух рукою:

— Тогда бросайте свои снасти да за дело! Таких кагулом все живо-два сделаем!

— А чего делать надо? — загорелись глаза у самого маленького и бойкого.

— Помогать! Вот тут, — Пескарь показал на воткнутые в землю колышки, — ямы выкопать надо, скамеечки сделать. Лопата есть, кто помогутнее — берите, и можно начинать... А то эту стенку можно обшивать. Гвоздей всяких навалом! Вчера сам Сергей Александрович привез, нарочно приезжал... Но если колотить, — строго предупредил он мальчишек, — только аккуратно, чтобы как по линейке, досочка к досочке и без щелей, чтобы комар носа не подточил. Сергей Александрович грозился побывать и проверить, а он еще тот копа!

Кто-то из мальчишек тут же откинул в сторону удочки и рванулся было с места, но самый рослый из них, смуглый, похожий на вала крестового, остановил их и, сделав серьезный вид, уставился на Пескаря:

— А сколько нам заплатят за это?

Пескарь опешил: чего-чего, а такого вопроса не ожидал. Он развел руками, в растерянности не находя никаких слов, онемел и хлопал глазами, словно опилками их ненароком запорошил.

— Да вы что, ребята? Никто вам не заплатит! Вы же сами сюда приходите будете, для себя и скамеечки сделаете, столик можно еще к ним приторочить. Ну, для удобства и красоты тоже... Какие могут быть деньги? Неужто вы и дома все за рубли делаете?..

— Так то дома, — услышал он возражение из толпы, — а тут да бесплатно... Вы, пацаны, как хотите, а я — пас!

— А это, — Пескарь, не скрывая своего раздражения, обвел рукою вокруг себя, показывая на притихший омут речной, на буйную зелень прибрежных кустов, на подступающую из-за безмолвной синевы темнеющую засаду леса, —

это разве не дом ваш? Вы же здесь живете, рыбу в реке ловите, по берегам бегаєте, в лес ходите... Воздухом, наконец, этим, — словно в приступе, он резво поднял руку вверх, — дышите! Чье это? Дядино? Или мое?.. И это все, — окинул он снова, но только взглядом, округ себя, — это же наш общий дом! Мой, ваш, того же Сергея Александровича, всех... А вы деньги, деньги... Эх вы, мелкота безродная!

Мальчишки стояли молча, кто-то понуро, другие с равнодушием ухмылялись и озирались по сторонам. Оборвал установившуюся было тишину похожий на крестового вала:

— Пошли, пацаны! — скомандовал он. — Или не видите: мужик чиканте, крышняк едет? Лекции нам читает — учитель тоже нашелся! Ямы копать ему, — валет покрутил пальцем у виска, — во удумал! Да пойми ты, дед, — обратился он к Пескарю, — задарма сейчас никто не работает! И мы не рыжие — тоже не будем! Других дураков поищи... или «бабки» давай! Тогда и разговор другой будет.

Он, не дожидаясь ответа от оторопевшего Пескаря, пронзительно свистнул Соловьем-разбойником и зазывно махнул рукою:

— Айда, пацаны! На Тимохин омут слетаем! Чего тут на него пялиться! Строит свой дом, ну и пусть себе спину гнет. Нам-то что до этого... Айда!

Вся ватага с гиканьем и свистом замелькала в чаще густых зеленых беретках ивняка. Последним семенил самый маленький мальчишка. Вот и он исчез в изумрудящейся пелене, но спустя секунду-другую шустро выскочил из кустов и крикнул что-то озорное и непонятное, а потом присел, оттопырил руками уши и высунул язык. Потом он с каким-то победным визгом прыгнул козленком на месте, развернулся и бросился наутек — догонять свою шумную ватагу.

Пескарь долго смотрел им вслед. Мальчишек уже напрочь поглотили зеленые заросли, стихли и их звонкие голоса. А ему слышались, но не эти — другие, далекие-далекие голоса из его давно прошедшего детства. Вспомнилось, как они с мальчишками из соседней деревни делали на реке запруды, а потом и вышку, с которой не всякий решался нырнуть в воду. Бывало тогда и лупились стенка на стенку, носы друг другу в кровь разбивали, а потом ведь мирно-

лись, объединились и сообща так свое общее купалище обустроили, из других деревень к ним ватагами на великах приезжали, а то и пешедралом прибегали. С утра и до вечера на омуте гам да визготня на всю округу...

Пескарь перекурил, посмотрел на часы — через час-другой сосед должен подрулить. После работы Василий как по расписанию заезжал на пескаревскую стройку, помогал где доску придержать, где уровнем пристрельнуть, а потом вместе с соседом катили по домам.

Работы у Пескаря оставалось немного. В этот день он прикидывал закончить обшивку, а назавтра и вообще последний гвоздок заколотить и руки умыть — дело доброе сделано! Но после встречи с мальчишками что-то не клеилось, настрой был уже не тот. Он приладил доску к брускам, осмотрел ее всю с начала до конца — плотно ли прилегла? Потом замахнулся молотком, ударил по гвоздю и чуть не вскрикнул от боли и, стиснув зубы, зажмурился. Надо же — промазал! Он приоткрыл глаза — по свежим доскам тоненькой струйкой сочилась кровь, палец миглом распух и начал темнеть. Пескарь пошарил свободной рукой по карманам — никакой тряпицы, а тем паче платка носового там не оказалось. Тогда он оторвал полу рубахи и стал неуклюже заматывать кровоточащий палец.

Он зажал руку под мышку, спустился по затынутому травой крутому обрыву... «Вот тут, — мелькнуло в голове, — ступеньки надо сделать, да и поручни тоже». Пескарь, не снимая повязки, опустил окровавленную пятерню в холодящую воду. Боль постепенно стихала, будто ее подхватывало течение, почти незаметное в широком зеркальном омуте. У прибрежной кочки кучились серебристые мальки, веером рассыпаясь время от времени, — полосатики, видать, где-то рядом шныряли. Пескарь, не вынимая руки из обезболивающей ее воды, всматривался до рези в глазах в темнеющую глубину — не мелькнет ли где окунище? Но окуни то ли видели его, то ли чувствовали — не показывались, не выдавали себя...

За этим занятием и застал его Василий. Подъехал он и струхнул даже малость: все пескаревские инструменты рядом с беседкой валяются где попало, а самого и в завидании нет... Такого, чтобы он после себя такой беспорядок оставлял, не бывало...

Василий сложил ладони рупором, громко аукнул. Снизу эхом отозвался Пескарь, а потом показала и его седовласая голова:

— Да здесь я! — гаркнул он. — Передохнуть спускался да лицо сполоснуть, — слухавил он, пряча за спиной пораненную руку.

Но утаить от Василия не удалось...

— Руку зачем от меня прячешь? Отрубил, что ли? — засыпал он вопросами Пескаря. — А ну, показывай. Может, тебе к врачу надо?

— Пустяки! — отмахнулся здоровой рукой Пескарь. — Молотком по пальцу, как маленький, саданул... Крови, как из барана было, а так ничего — прошло уже. Садеет только, а боли большой нет.

Василий с видом бывалого фельдшера разматывал намоченную от воды и крови тряпицу, осмотрел рану.

— А ну, пошли к машине! Рана будто бы и не столь велика, но обработать надо — мало ли что может случиться.

Он достал из аптечки йод, бинт, вату и принялся как заправский врач обрабатывать и пеленать бинтом раскломаченный молотком палец. Пескарь закрыл глаза, сморщился так, что лицом стал на сморчка похожим, и отвернулся. Он от боли скрипел зубами и даже приплясывал на месте.

— Терпи, терпи, казак, — как ребенка-малютку уговаривал Пескаря сосед. — Теперь уж все страшное позади. Ну и угораздило же тебя! Будто век молотка в руках не держал. Осталось то у тебя — всего ничего. Подавай гвозди — сейчас махом доделаем! А то ведь не ровен час — с забинтованной рукой и вторую недолго изувечить... Дня три пройдет — тогда и бинт не нужен будет, смело можно снимать...

— Да завтра уже все пройдет, — петушился Пескарь. — На мне, как на собаке, быстро все заживает. Только денек поостеречься, рану не бередить — затянет, и следов не останется...

Василий только пожал плечами: посмотрим, мол, посмотрим — палец-то не на шутку разнесло! Может, и заживет, если еще кость не задета... Он уже прикладывал к стенке доски, Пескарь сноровисто подавал гвозди и всякий раз, когда сосед начинал стучать молотком по очередной доске, отшатывался на несколько шагов назад и шурился, прикрывая один глаз пере-

бинтованной ладонью, а потом давал команду: «Прибивай!» Работа у них шла потоком. Пескарь от этого веселей даже стал — боль стихла, унылости прежней как не бывало, а потому нетнет да и подковыривал шутливо соседа: крепче, мол, приколачивай да по пальцу не забывай!

Когда со стенами закончили, устроили перекур, но уже не на улице, а впервые в самой беседке. В ней уже была и скамья, не хватало только второй да стола.

— Хорошо получилось, — то ли спрашивая, то ли утверждая, бойко бросил Пескарь. — Сергею Александровичу и то, должно быть, станет по нраву... Но еще день-два похожу кругами, посмотрю, чего еще недостает, что недоделано. Надо, чтоб все чин чинарём было...

— Я вот что подкажу: стены мы обшили. Они сейчас белы, будто только-только из-под станка строгального. А после первого же дождя почернеют... У нас мужики на работе недавно забор какой-то ворванью мазали — говорят, ни солнце, ни дождь потом не берет. Месяц уже наверняка прошел, дожди перепадали — не жаловали, а забор не полинял, стоит как ни в чем не бывало. Цвет какой был с нови, такой и остался. Даже сучки все вырисованы, как на картине. Помоему, у них этой мазилки осталось. Если есть, как пить дать привезу...

— Воровски, что ли? — встрепенулся Пескарь. — Если втихаря, то упаси господь, как ты говоришь, от такой мазилки. Я со своей работы даже гайки крадучи не принес и тебе не советую: зачем имя свое поганить? Да и меня под монастырь подводить? А потому привезешь тайком — сам на своем горбу обратно утащу. Зачем мне молва людская — вот, мол, Федька-Пескарь всего налямзил, наворовал... Не нужна мне слава такая! А покрасить — верно говоришь — надо. Если что, я и сам на свои деньги такую сулему куплю — не обеднею, не разорюсь. Только узнай, как она называется да где продается? Съездим, купим. А ворованную и близко не надо!

На другой день Пескарь сам себе выходной устроил — поберег палец, не стал рану беспокоить. Сходил, осмотрел все хозяйским взглядом, работу свою недавнюю оценил самым строгим контролером. Веник ивовый наломал, в беседку принес — мало ли пол подмести потребуется. Домой идти не хотелось. Вчера ему от жены дос-

талось на орехи: где-то все дни пропадаешь, невесть чем и занимаешься, — упрекала она, — а теперь еще и пальцы уродовать начал! Так и голову скоро свернешь, не зная где и за что...

А он слушал ее, делая кислую мину, будто чувствует себя виноватым, а в душе чуть ли не песни пел. «Видела бы она ту беседку — вмиг бы вся хмурь пропала...» Но Пескарь не открывал своих карт ни перед женой, ни перед кем другим. Думал, что мальчишки сельские обо всем воробьями расчирикают, но они то ли внимания особого пескаревской стройке тогда не придали, то ли молчали в тряпочку от того, что помочь ему наотрез отказались. Жена думала, что он дров ольховых ходит заготавливает: мало ли коптить сало или рыбу кто-то надумает, да и самим запас их лишним не будет. А что вся деревня молвила о нем и молвила ли, Пескарь не знал. Не интересуются, не пристают с расспросами и на экскурсии к нему на фазенду не ходят ни толпами, ни в одиночку — ну и ладно! «Потом узнают, — рассуждал Пескарь наедине, — тогда куда приятнее мне будет и неожиданнее для всех, может, даже на руках носить станут! А потом, как я мерекаю, — тонул он в своих мечтах, будто в озере синем и ласковом, — и в других местах такие же беседки появятся...»

Василия в тот день Пескарь не дожидался — утром еще предупредил: выходной себе решил устроить и на своем объекте сегодня не появится вообще или побывает, но до вечера там не задержится — руку побережет...

С работы сосед приехал позднее, остановился под окнами Пескаря — вызвал его на улицу:

— Все, Федор! — обрадованно сообщил Василий. — Покрашена твоя беседка — теперь не потемнеет!

— Слямзил все-таки? — не разделяя радости соседа, строгими глазами уставился на него Пескарь.

— Зачем обижаешь? Мужики сами отдали... Вот те крест — так было! И даже с позволения самого начальника — тот обычно бука букой бывает, на всех и всё пыжится, а сегодня таким добрым был, что спасу нет! Так и сказал: чего, мол, добру пропадать — отдать, хоть в дело уйдет, а то ведь засохнет и только на помойку годна будет. Всю отдали под выгреб, красил без огляду: с лихвой хватило!

— Знаю я тебя, — зыркнул Пескарь по сторонам. — Не юли лучше и огороды не городи. Скажи честно — выщиганил?

— Ну, может, и так, — согласился Василий и расцвел в своей бабьей улыбке. — Не без этого... Но, — по-панибратски хлопнул он соседа по плечу, — привез, покрасил, и, похоже, в самый момент подходящий. Небо, смотри, что-то пыжится, ночью или даже еще вечером дождь соберется или гроза даже. Давай завтра на работу поеду, увезу пораньше, посмотрим вместе, как у меня получилось. Может, забракуешь — я же не маляр, а только баранку крутить мастак!

Так и сговорились, разбрелись по домам, поглядывая на небо.

Василий — барометр ходячий — как в воду смотрел. На закате небо затянуло высокими и, похоже, недождливыми облаками от края до края, но вслед за ними выползала плотная свинцовая туча, извещающая о себе частыми раскатами грома. Силится ветер, порывами трепал и гнул в три погибели вершины деревенских берез, шумно хозяйничал в лесу за околицей, веяло прохладой, сыростью. Гром настойчиво приближался, становился более резким, раскатистым, сотрясающим землю, деревенские избы. Молнии одна за одной полосовали небо то сверху вниз, то пересекали его от горизонта до горизонта... Затем в деревню с шумом ворвался дождь, ночным странником забарабанил по окнам.

Гроза бушевала всю ночь напролет, и даже сонь деревенских в бессонников превратила — редкий из них глаз сомкнул. Казалось, что туча именно над ними зацепилась за что-то высокое и никак не может сорваться с места, пока не распространяется, не выльется вся до капельки, не отгремится и не раскидается рассерженно молниями. Она висела над деревней, будто пес на цепи: страшная, огрызающаяся и брызжущая проливным дождем...

Утром Василий еще и лицо не сполоснул, а Пескарь уже неторопливо расхаживал взад-вперед под окнами его дома. Ему не спалось: гроза была не на шутку, и это не давало ему покоя. Он и рвался туда на омут посмотреть на беседку, и страшился появиться там: а вдруг да ночной свирепый ветер так сильно разыгрался, что всю его конструкцию разметал по кустам и вся его работа псу под хвост. Утешало од-

но: с Василием сегодня туда на пару заявятся — все-таки, если чего и страшлось, не один-одинешенек будет наедине с бедой. А потому Пескарь так терпеливо и ожидал, когда высобирается да «Ниву» свою выведет. Он ходил неторопливо по придорожной лужайке, сбивая с травы невыпитые и совсем еще не тронутые ни солнцем, ни ветром капли ночного дождя.

В канаве по обе стороны дороги весело ворковали и пенились, будто свежее деревенское пиво, появившиеся за ночь ручьи. Посеревшая от мусора и грязи трава пригнулась до самой земли, будто бы жалуясь на своих обидчиков — проливной дождь и бурный поток, который безжалостно топил все, что тонуло, не могло оторваться от места, подхватывал и уносил на себе неведомо куда то, что было по силам.

Василий с трудом вырулил на дорогу. Машина юзила, не подчинялась и чуть было совсем не ухнула в кювет, но, стиснув зубы, шофер-таки вывернул ее на умытую, ставшую зеркально-черной асфальтовую ленту.

— Как думаешь? — с тревогой спросил Пескарь, показывая несмелым тревожным взглядом вдаль за реку. — Не натворило делов?

— Сейчас увидим! — крикнул ему в ответ шофер. — Там же кусты стеной — должны оборонить!

— А вдруг? — вытягивал голову, вглядываясь туда, где за зеленью кустов прятался Яшкин омут.

— Да не переживай! — успокаивающе улыбнулся Василий. — Если что — сотрешь да снова! У тебя же теперь опыт бо-о-ольшой!

Пескарь замолк, съежился, будто на холоде.

— Да не вешай нос! — попытался утешить и ободрить его Василий. — Если что — помогу: где наша не пропадала! Ну, вылазим — пошли посмотрим. Чего догадки строить да печалиться раньше времени...

Василий, сторонясь свисающих на тропинку мокрых покорных ветвей, уверенно шагал впереди, где пригибаясь, где круто сворачивал в сторону, обходил склонившиеся кусты. Пескарь, будто боязливая собачка за хозяином, сменил позади, гусаком вытягивал шею и с тревогой выглядывал через плечо напарника...

— У Лехи Пермякова в селе, — на ходу заговорил Василий, — года два назад новую крышу с

дома сорвало — по досочкам по всему полю разложило. И... ничего! В ус не дул... Собрал да поновой поставил. А вон и твоя новостройка! — показал он рукой, выходя на поляну. — Да ничего ей не сделалось! Она же в кустах, я прав оказался — как за стеной каменной!

Пескарь торопливо обогнал соседа — от сердца отлегло: беседка стояла, будто и гроза, и ветер сумасшедший ее стороной обошли. Стены ее ничуть не намокли, не потемнели, отливали белизной, свежестью — доски словно толь-толь из пилорамы принесены...

— Не зря вчера покрасил, — Василий шлепнул своей широкой пятерней по стене, — вовремя, главное — посуху! А теперь любой ливень для них не страшен! Вода как с гуся скатится... Ну, ладно, — отряхнул он ладони. — Страху у тебя было — штаны наверняка полные! Посмотрел? Успокоился теперь? — и, не дожидаясь от Пескаря ответа, добавил, показывая на часы: — А мне на службу пора — поеду. Крепка избушка! Да и я, видать, маляр что надо! — похвалил себя сосед и тихо удалился.

Похвала эта радовала Пескаря. Он обошел свою беседку кругом. Былой трепет и волнение сменила радость и даже гордость: все было на месте! Но заглянул внутрь и от досады сморщил нос: ночная гроза все-таки не обошла мимо, здесь внутри беседки украдкой побывала, навела свой порядок...

Жестяная банка с остатками гвоздей, стоящая подле оконного проема, была полная воды — уже порыжевшей, с радужными маслянистыми пятнами. В ней лодочками зеленели листочки осины, занесенные сюда и разбросанные ветром по всей беседке. Пескарь в раздумье, как оградиться от этого, присел на скамейку. Она была от проникшего сюда косога дождя и утренней прохлады будто ледяной, обожгла его холодом. Ему казалось, что сел не на скамейку, сколоченную им из досок, а на остывшую или принесенную с мороза чугунную плиту.

Он вылил воду из банки, высыпал на ненужный огрызок доски уже покрывающиеся ржой гвозди — пусть сушатся, начисто вымел пол и, осененный своими новыми мыслями, спешно пошагал по тропинке...

Жена, как назло, оказалась дома — в огороде, говорит, делать нечего. За ночь, говорит, гряд-

ки так расквасило, что не подступиться, да и в бороздах воды — в сапоги зачерпнуть можно! Хотела, мол, прополоть что-нибудь, от лишней травинки избавиться, да где там — ждать надо, когда обдует. Пескарь челноком ходил по избе, поглядывая то на жену, то на западную под ногами на кухне. Там у них лежала скрученная в рулон целлофановая пленка — племянник Настасье весной в подарок привез. Он ее то ли спер где-то, то ли за бутылку у алкашей выторговал, дармовая, но на парники самое то — прозрачная, прочная. Пескарь хотел было в дело ее пустить сразу — парник перетянуть да теплицу помидорную обновить, да что-то не получилось. Походил вокруг да около да и рукой махнул — еще и старая пленка сносная, не особо прохудилась. О ней и вспомнил он, выметая из беседки налетевшую листву: для нее в самый раз будет! Но как взять? Жена в кулачки бросится — не даст, пожалеет.

Пескарь, будто петух-забияка, посматривал на нее ссыска и обдумывал, как бы ее провести на мякине — из дому выпроводить, а тогда уж спуститься в подполье да отпазгнуть метров пяток пленки — для него это дело пустячное, раз плюнуть. Ножик-складник уже в кармане.

Но она, похоже, и не думала никуда уходить — сидела перед телевизором и носки старые перебирала — сортировала, которые на ушивку, которые в бросню. Котомка их целая — перетряхнуть все уйму времени надо, да еще штопкой займется...

Пескарь не выдержал, побрякал чайником:

— Сходила бы в магазин, заварки совсем трошки осталось...

— Ты чего, век уже вместе прожили — меня не знаешь? — оторвалась она от своих дел. — Без запаса не живу. На комодке пачка целая — только вчера купила. Да и Таньки сегодня в магазине долго еще не будет. Сказывала, что с утра на склад за товаром поедет.

«Что ж, — обрадованно смекнул Пескарь, — мотаем на ус! Выждать надо! Товар Танька должна уже вот-вот привезти, тогда у бабы только пятки засверкают — сама петухом жареным клонутая в магазин умалахтает».

Продавщица и в самом деле появилась скоро — приехала на сельповской машине. Магазин распахнулся настееж, шофер бывалым грузчиком

юлой закрутился у машины, одна за другой туда, будто мухи на мед, потянулись деревенские бабы. У них в такие дни магазин был местом общей сходки — не столько покупали, сколько толпились у прилавка — за продавщицей свежесрезанными глазами, как она свежий товар по прилавку раскладывала, да от безделья судачили — перемывали косточки всем и вся. Не выдержала и Настасья, скомпила носки в мешок, бросила его под лавку и, не выключив даже телевизора, убежала на улицу. Пескарю того и надо. Чай пить не стал — котом плутоватым шмыгнул в подполье...

Вечером он уже бахвалился перед соседом:

— Все! Стройка закончена! Все теперь шито-крыто! Ни ветер, ни дождь не страшны. Столик есть, скамейки... Новоселье можно справлять!

— А в чем проблемы? — взбодрился Василий. — Нам завтра премию дают. Сколько отваяют — не знаю, но на обмывку твоей беседки должно хватить. Давай соберемся — друзей своих приведу. Посидим за бутылочкой — не все же за сараями да в бурьяне загаженном от баб своих да ментов шкериться. Чинно, культурно... Людми хоть себя почувствуем! Да и тебя почествуем: раз десяток подбросим выше ветел твоих, но нос пока не задирай! Десятый раз подкинем и поймаем... девять раз! Шучу, конечно! А сполоснуть это дело надо, иначе грош цена твоей беседке, не простоит долго...

— Сергей Александрович еще неделю назад, когда телегу грузили, наказывал: построишь, позовешь... Говорит, сам проверять буду, — с напускной важностью поведал Пескарь. — Скажусь и ему. Вроде бы не срамно сделано — стыдиться нечего.

— Конечно, надо, — согласился Василий. — Только, скажу тебе, мужик он крутой, привередливый — халтуру не терпит. Если что шалляй-валяй или пахоруко сделано, глазом не моргнет — все своими руками разберет, развалит и сызнова делать заставит. И пьянка любая ему поперек горла. Он своих только из-за запаха одного в хвост и в гриву чешет, к работе не допускает, а иных и вовсе за шкуру выкидывает или силком лечиться самолично увозит. Сергей Александрович на службы церковные ходит — не на то, говорит, душа вам Богом дана, чтобы ее вином загублять. А потому к пьянке отношение у него особое, нетерпимое...

— Да неужто зверь он? — возразил Пескарь. — На работе с нашим братом только так и надо: выпил, расслабился — по полной и получай! Нельзя никак слабину давать. По себе знаю... Тоже не безгрешен был. А так он, по-моему, мужик — во! — поднял он кулак с поднятым вверх большим пальцем. — Наш, мужикастый! На завтра и позову, и ты со своими приходи... Только смотри с ними, чтобы без фокусов и проделок всяких! А то по-соседски могу и за уши натеребить!

3

С самого утра Пескарь возился со своими Судочками. Они у него самодельные — нарублены в молодом березняке на зарастающем обезлюдевшем починке. Прямые — вытянутые подвешенным грузом почти в линейку, крашенные масляной голубой краской. Их у него было около десятка. Он их просматривал все, хотя на рыбалке ему и двух было за глаза. У какой-то леска была порвана, у другой крючок от времени ржой покрылся — толь тронь, и распадется! На третьих удилищах вообще ничего, будто и в деле они еще не бывали, только на вершинках предательскими усами топорщились обрывки лески. Он приводил в порядок каждую...

Вечером Пескарь раскрыл свои карты перед женой и выложил все как на тарелочке: беседку, мол, на реке поставил, завтра по этому поводу праздник у него. Гости, дескать, придут, и даже хозяин пилорамы Сергей Александрович зайвится, честь ему, Федьке Пескарю, большую окажет, может, и подарок какой сделает. Пойдем, сходишь, посмотришь, а то ведь думаешь наверняка, что я там лодыря гонял или ветлы уразиной ходил обивал. А я ведь там даже чуть инвалидом не стал! Смотри, — сделал он ладонь нарастопырку, — палец и на палец не похож — сплошная печеница! Надо же: и грех и смех — сам себя, как ребенок маленький, молотком со всего маху огрел.

Настасья, как Царевна Несмеяна, даже в лице не переменялась: ни удивления, ни жалости к пострадавшему мужу. Она стояла перед ним, потирая о фартук руки:

— Я ведь, Федя, пока не окривела и уши у меня сережками не завешаны — обо всем знаю уже. Почтальонка дня три назад поведала, толь про

палец твой ни слова не обмолвилась — тогда еще не прознала, видать. Промашка здесь у нее вышла. Но это я и сама видела, да промолчала. Только ты письмоноске ни гу-гу, обидится еще девка.

— Как это она про беседку мою пронюхала? — округлил глаза Пескарь. — Нежль такая глазастая, что с дороги сквозь кусты видит?.. Да и не видно оттуда — там же кустов выше крыши, как тенет в нашем курятнике старом, пустом...

— А ты с сумкой почтовой побегай — все будешь знать! — усмехнулась жена. — Даже какая кошка от какого кота осукотилась — все знать будешь. А ты думаешь, секретный объект строил? Дудки! Полдеревни знало, да в кулачки все смеялись над тобой, ждали, чем же у тебя все это закончится, на сколь духу твоего хватит. Да и вообще все, кто тайну твою проведал, в догадках уходились: кто чего предрекает, даже худа от твоей затеи ожидают, — прояснила ситуацию Настасья и уже по-другому добавила:

— Пойду сегодня Клаву опровердывать, не забуду — так забежим. Внучка же сегодня приезжает! А ты, дед, и не знаешь, и усом не ведешь. Заработался... Чудишь ведь! А удочек куда столь? Огород ими городить собираешься?

Пескарь с недовольным видом ответил:

— Делаю — значит, надо. Может, я ими всю реку хочу охомутать. Никто ведь не запрещает...

Такого вопроса про удочки от своей жены Пескарь не ожидал, был им даже огорошен. Его даже осердило, задело за живое. Он хотел было ей выпалить, мол, лески от поплавок не отличаешь, а в мои дела рыбацкие носом своим суешься, сидела бы в доме да нитки путала или перед приездом внучки марафет в избе наводила.

Закончив с удочками, он их связал плотно-наплотно капроновой бечевкой от пресс-подборщика — в былую пору он этих ниток принес домой столько, что на всю жизнь ему хватит и останется еще. Колхоз распался, и все тащили по домам что бросовым оказалось, ненужным никому. Вот он и прихватил тогда пару рулонов такого шпагата — толстые, высокие, будто африканские барабаны, толь тяжелые, и звука из них, сколь ни лупи, не извлечешь.

Он взвалил на плечо увесистую связку удочек, громко крикнул из-под окна:

— Внучка приедет — приводи и ее! Пусть посмотрит на дедову работу...

— Хорошо, — отозвалась Настасья. — Придем! Дорогой жгут из удочек ослаб, растрясся. Они бились друг о друга вершинами, шумели на всю улицу. Соседи смотрели в окно и снова дивились: неужто он всеми ими враз рыбу ловить будет? А он и не думал о рыбалке. Он думал о другом: мужики соберутся в кучу, а только сидеть и всем кагулом глотку заливать да языками чесать одно по одному — нехорошо, и весело будто, а интересу нет никого! Вот он, Пескарь, и предложит им удочки, червей по щепотке и турнир между ними устроит — кто из них удачливее окажется? Он уже представлял себе это. Весь берег — мест уже у него здесь с лихвой подготовлено — в рыбаках, удочки ершом из-под каждого куста торчат, и на самом уловистом месте — там, где у Пескаря рыба с весны прикормлена и держится там, будто привязана, — сидит он, хозяин пилорамы Сергей Александрович — главный его сегодняшней гость. И поклевки у него — одна за одной, рыбу таскать в две удочки не успевают...

Едва Пескарь успел распустить связку удочек и расставить их по одной вокруг большого ивового куста, как со стороны дороги раздался протяжный детский голос:

— Де-е-е-ед! А де-е-ед! Где ты? Ау!

Ее он узнал сразу: внучка из города приехала! Значит быть, они с бабушкой идут и вот-вот должны замелькать меж кустами. Пескарь осмотрел себя сверху донизу — не страшен ли, и, по-молодецки сдвинув фуражку на затылок и сложив ладони трубочкой, откликнулся. Но не утерпел, не устоял на месте, а, ускоряя шаг, бросился навстречу. Внучка уже яркой цветной бабочкой мелькала на тропинке: то появлялась, как на картинке во весь рост, то исчезала совсем, с головой тонула в буйной зелени ивняка. Увидев его, она на мгновение остановилась, вытянулась на цыпочках, высоко над головой замахала рукою и звонко, обрадованно закричала:

— Дедушка! Дедушка!

Он и глазом не успел моргнуть — Лерка выпорхнула на полянку и с распростертыми объятиями ланью быстроногой бросилась навстречу деду. Пескарь, готовясь поймать егозу на лету, чуть наклонился, согнув ноги в коленях, протянул руки навстречу летевшей по лугу внучке. Но про свой ушибленный па-

лец не запамятовал, берег его и неестественно и пугающе оттопырил его в сторону.

Лерка была у них с Настасьей Петровной единственной внучкой. Каждое лето родители привозили ее к старикам и оставляли здесь на все каникулы. Жили они в небольшом городке, до которого рукой было подать — часа два на автобусе...

Пескарь ловко подхватил бегущую внучку и хотел взметнуть ее выше своей головы, но не получилось. Лерка сноровистой обезьянкой обвила за шею, принялась чмокать его в колючие щетинистые щеки...

— Дедушка! — оторвалась она от щек и, не снимая рук с его жилистой и морщинистой шеи, откинулась назад. — Так я скучала по вам! Так скучала!

Лерка уже третий год школьница. Приезжала в прошлое лето какой-то дюймовочкой — маленькая, хлипкая и легкая, будто пушинка. А в этот раз Пескарь еле удерживал ее на весу...

— Знаешь, дед, — хитрой лисой Лерка заглянула ему в глаза, — я же одна приехала!

— Как так одна? — с притворным интересом прищурился дед. Он знал: дочка им еще неделю назад звонила, говорила, что отправит им маленькую гостью — внучку в сопровождении соседки знакомой. Та тоже в деревню к своим родителям собирается...

— Одна! Мама и папа дома остались, работают... Они только потом приедут — за мной. Вот так, дед! — теперь уже безбоязненно развела она руками. — Видишь, я уже совсем большая стала! Еще чуть-чуть подрасту и с тебя, наверное, буду. Или... с бабушку! А ты тут домик построил?

— Построил, — подтвердил Пескарь и бережно опустил внучку на землю. — Пойди, посмотри...

— Красиво! — оценила она, не сходя с места. — А бабушка видела?

— Нет, Лера, — пояснил ей дед. — Бабушка еще не только избушки моей, но и полянки этой ни одним глазом не видела. Да и вообще здесь еще никого не бывало...

Внучка хмуро спросила:

— А что, дед, ты никого сюда не пускаешь?

— Да ты что, Лерочка! — взмахнул он рукой. — Для того и домик сделал, чтобы отдыхать

здесь люди могли, от дождя, ветра и от жары прятаться...

— И от снега — тоже! — добавила внучка.

— И от него — тоже! — попугаем подтвердил Пескарь. — Только зимой здесь морозно будет. Без печки она холодная. Ну, пошли! Оценишь, на скамеечке посидишь! За столиком...

— Да нет, — отмахнулась от него внучка и посмотрела назад, на уходящую к дороге тропинку, — давай бабушку дождем! Тихоню! — добавила она и залилась звонким смехом. — Я ведь, как лисичка, быстро прибежала и не заблудилась даже. И не боялась никого!

— Молодец, девочка!

Из-за кустов показалась Настасья с увесистой авоськой в руках.

— Ну, бабушка! — веселым смехом встречала ее Лерка. — Наконец-то! Я уж давно здесь...

— Так ты же у нас быстрая! Как стрела летаешь. А я ж черепаха уже старая!

— Я же бегом, бабушка! — гостеприимно развела перед ней руками внучка-пустосмешка. — А ты — пешком! Так тихо! Будто и в самом деле черепашка старая... Тортила. Да еще с сумкой! Давай помогу! — Лерка попыталась отнять у Настасьи авоську с пирогами — гостинцами для давней подруги Клавды.

Но та только кышкнула на нее:

— Иди, стрекоза! Наносишься еще, носишьица! Да и совсем не тяжело у меня тут. Не устала.

— Ну, пойдем дедушкину избушку посмотреть! — отстала внучка от авоськи и, как на буксире, потащила бабушку за собой к беседке. — Красивая избушка... Правда?

— Сейчас посмотрим, — ответила Настасья, подозрительно глядя на затянутые пленкой окна, и добавила вполголоса: — Ну, дед, погоди! Другие мужики все в дом волокут, только ты поперечный, только и смотришь, что бы от себя оторвать...

Пескарь, шедший впереди чинно и важно в ожидании похвалы, сразу же понял намек жены и нахохлился пугливым воробьем. «За пленку отчитывать будет... Все стерплю, только бы не при внучке».

Но жена только постучала пальчиком по туго натянутой пленке и коротко бросила:

— Парниковая? Из дома? — и, дождавшись, когда муж псом побитым покорно кивнет го-

ловой, а значит, и признает свою вину, неожиданно переметнулась, спросила: — А ветром не изорвет?

Пескарь понял, что жена его бранить не будет, даже и не собирается, оживился, будто на крыло снова встал, и рассуждал уже смело, уверенно:

— Давно ли гроза была, ветрище все деревья тогда в ошип пустил. А она стерпела... Значит, и потом стерпит. Да и ветра такие не столь уж часто и бывают.

Внучка, опередив их, первую порхнула в беседку, пробежалась вокруг стола и со всего маху, будто испытывает на прочность, ухнула на скамейку, огляделась и, облокотившись на стол, как на школьную парту, подняла руку и погрозила деду указательным пальчиком:

— Дед, а дед, — поучительным тоном обратилась она к нему. — Мести не умеешь. Мусору много — так в доме быть не должно!

Пескарь даже опешил — сегодня утром веником по полу елозил, как мог, старался подметал, а внучка его работу чуть ли не с порога охаяла:

— Какой мусор? Где?

— Да вон же, дед! — показала она под лавку напротив. — Щепки даже большие. Сейчас, — она кузнечиком спрыгнула на пол, — я подмету сама. А то ты под скамейкой не видишь, наверное. Слепой стал, что ли?

Лерка схватила стоящий в углу, уже подсыхающий и шуршащий листьями ивовый веник и стала старательно подметать пол, особенно тщательно елозила ветками по углам, под скамейками. Пескарю аж стыдно стало: и подметал, кажется, старался, а внучка в два счета горку мусора выискала — опилки, щепки и даже пару гвоздей из щелок в полу наковыряла...

— Да-а-а, — признался Пескарь перед внучкой, — видать, и в самом деле слеповат. Столько мусору, и не заметил, пропустил...

— Мести, дедушка, не умеешь! — выпрямилась внучка и тут же похвалилась: — А я вот умею! Дома после уроков мету каждый день. Мне мама и пылесосить разрешает... А куда эти щепки? Печки же у тебя нету...

— Да выметай на улицу! — скороговоркой выпалил Пескарь и тут же осекся, понял, что не то ляпнул. Он хотел было поправиться, подсказать внучке-чистюле, что мусор можно под кустик унести, но было уже поздно.

Лерка округлила глаза, веник перехватила из одной руки в другую и даже властной хозяйкой топнула на него, притихшего:

— Да ты что, дед, с дуба свалился?! Кто же себе под ноги мусор выбрасывает?

Выручила Пескарю жена. Она, видя, что внучка взяла деда в оборот, осмотрелась по сторонам, увидела неподалеку черную проплешину от недавнего костра, подсказала:

— Отнеси, Лерочка, туда — там дед сожжет! Да пойдем, бабушка Клава, наверное, все глаза уже проглядела — нас с тобою ожидает.

Пескарь взял со скамейки пустую банку-жестянку из-под гвоздей и хотел было помочь внучке — смахнуть в эту уже не нужную никому ржавую посудину опилки и щепки, но внучка не дала — притворно нахмурилась, посмотрела на него строго, по-взрослому:

— Ну, дед, у тебя и совка нет! Дай банку, сама сложу — ты неловок! Как наш папа... За что ни возьмется, все не так делает!

Настасья Петровна стояла молча подле беседки — вышла из нее, чтобы не мешаться у внучки под ногами. Она замороженно и задумчиво смотрела, но не на беседку — на внучку. «Давно ли в коляске ножками беспомощно дрыгала, напролет все ночи ревом оглашала — покою никому от нее не было. А ведь выросла... Так и невестою скоро станет, и глазом моргнуть не успеем. Фигурка уже выправляется, еще год-другой — парни за ней гужом бегать будут. Красавица! Ну и родители ведь тоже не обсевки в поле, оба смазливые. Жалко, что только намало приехала. Может, в конце лета еще привезут, коли не передумают.

— Бабушка! Бабушка! Замечталась, задумалась, что ли? — подскочила к ней внучка. — А давай отгадаю, о ком ты думаешь. С первого раза не ошибусь!

— Ну, и о ком?

Лерка залилась смехом, глядя на стоящего в дверном проеме деда:

— О дедуле! — выпалила она залпом и раскланялась в новом порыве смеха. — Угадала?

— Хохотушка ты! — обняла и нежно прижала ее к себе Настасья Петровна. — А вот и не угадала...

— Так ты, бабушка, о дедуле и не думаешь... Тогда о ком?

— О тебе, о тебе, конечно. О ком же мне еще думать...

А внучка будто и не спрашивала ни о чем, озорно развернулась на одной ноге и руку навыважку сделала, повернулась к деду:

— Дед, а дед? Это ты, наверное, для меня специально сделал? — показала она на удочки, приставленные торчком к ивовому кусту. — Так клево! Как еж, но только большой-большой и ножек не как у настоящего — мне не сосчитать даже! Как ты здорово придумал!

Дед, конечно, признался, что он тут как раз ничего и не придумывал и не знал того, что на ежа куст этот походить будет. Но присмотрелся: а ведь точно похож! Удочки — колючки, короткие голые стволы — ножки, да и сам куст необычен: с одного боку приплюснут, с другого — с горбинкой...

— Да это же удочки! — пояснил он. — Поставил, чтобы ненароком не наступить и не поломать.

— А мне потом дашь одну? Я тоже хочу рыбку половить!

— Да хоть сейчас! И червячки уже есть — запасены...

Но Настасья Петровна оборвала их разговор:

— Все, дед! Не баламуть внучку! Некогда нам тут с тобой лясы точить! Удиль еще думаешь — нашел время! Пошли мы!

Но Лерка не сразу послушалась бабушку, а кокетливо пробежалась вдоль куста с удочками, оглядывая и оценивая каждую из них. Она выбирала ту, которая бы была ей в самый раз. Наконец обернулась на деда, крикнула:

— Дедуля! Смотри! Вот эта моя будет — она самая маленькая и тонкая! Смотри — береги ее! Никому не давай! — потом Лерка подбежала к нему и тихо, словно украдкой от бабушки, прошептала:

— А когда я после юга приеду, мы с тобой сюда сходим? И рыбу половим?

Дед улыбнулся, соглашаясь, кивнул.

— Только удочку мою не теряй! Смотри мне! — погрозила ему пальчиком, и они пошли. Но на полпути внучка остановилась и зазвенела на всю поляну: — Дед, а дед! Банка есть?

— Зачем тебе? — отозвался он.

— Давай неси! И с водою...

Федор Фомич не сразу сообразил, что там внучка надумала. Какая банка ей нужна? Зачем? Но когда она мотыльком залетала по поляне,

срывая цветущие ромашки, все понял. Банка у него была и покоилась под кустом — стеклянка литровая. Он в ней обычно живцов — пескариков да уклеек маленьких — складывал, а потом на окуней да шурят закидывал.

Не успел Федор Фомич и банку сполоснуть, Лерка наверху затрезвонила:

— Быстрее, бабушка! Цветочки вянут...

Она стояла перед ним с большим, будто сноп, букетом ромашек и улыбалась:

— Давай скорее!

Внучка еле втиснула цветы в банку, крутанулась на месте и убежала с нею в беседку, поставила ее на стол и убежала догонять бабушку, но строго-настрога, даже пальчиком пригрозила, наказала деду:

— Водичку, смотри, меняй! Они чистую любят!

Пескарь согласно кивнул, проводил ее ласковым взглядом и помахал вслед растопыренной пятерней. Хороша же у них внучка! Вдруг с противоположной стороны ему послышался чей-то приглушенный зеленому шепот, где-то в чаще ивняка похрустывали сухие сучья. Он замер на месте, прищурился, присмотрелся: в кустах, будто маленькие волчата, хоронились от него и перешептывались, хихикали мальчишки.

Увидев, что он направляется напрямик к ним, сначала притихли, а затем бросились врассыпную. С треском под их напором и прытью холостыми выстрелами лопали и ломались сухие валежины, шумели встревоженные кусты. Им вторили глухие далекие раскаты грома. И Пескарю было непонятно: то ли это отголоски той ночной грозы, ставшей первым и, наверное, самым серьезным испытанием для его беседки, то ли откуда-то из невидимой дали приближалась другая. Небо над поляной было безоблачным...

4

День пролетел быстро, как самолет ре-активный по небосклону, словно его и не было. Пескарь, опроведав беседку, вернулся домой и не сразу определился, за какое дело братья первой.

К приходу жены и внучки он выкосил под окнами уже начинающую грубеть траву, среди

которой вдоль всей дороги широкими зелеными блинами начали показываться лопухи. Они уже набирали силу, деревенели, с трудом подавались косе. Пескарь косил размашисто, но осторожно, с опаской — косу берег. Он ее только весной на новое косовище насадил — полдня на это ухлопал, сломать новую косу, да у себя под окном, считай у всех на виду, было бы для него позорно. Сам, сказали бы кругом, такую хилую сделал...

Убрать скошенную траву с лужайки подсобила внучка-егоза. Пескарь хотел было сводить ее в ближайший за огородами перелесок поискать грибов-колосовиков. Они, по его приметам, со дня на день должны были появиться. Но Настасья Петровна, только краешком уха услышала об этом, всей грудью поперек встала, не пустила с ним внучку:

— Ты что, дед? Офонарел? — пристала она к нему. — Куда ты ее поведешь — клещам на съедение?! И не думай — не пушу! Если хочешь — иди один! Они уж к тебе привыкли — за своего считают!

Напомнила она ему и о беседке: мол, забыл, поди? Мужики придут, а тебя нет — ищи-свищи!

— Но видится мне, — уже другим, притихшим голосом добавила она, — бабы тебе спасибо не скажут. Будешь так вот мужиков в своем теремке через день да каждый день собирать, они тебе космы твои седые быстро вытаскают...

— Да не будет этого! Неужто они дуры! Да и мужики не такие, что оторви да брось! Не пропойцы, — с обидой на лице ответил ей Пескарь. — Они, бабы твои языкастые, еще благодарить меня непременно станут... Может, — расцвел в улыбке и прошептал жене на ухо, чтобы внучка не слышала, — может, целовать даже будут... У меня же там все культурно будет. Может, они потом вместе с мужьями под ручку приходиться будут.

— Жди да радуйся! Бабы пойдут? Может, еще на старости лет и сам молодуху какую найдешь? Да попомни мое слово: сделал ты хорошо, но ничего путного из твоей затеи не будет! Бабы уже не только на тебя, но и на меня косо смотрят. А Лидия Дмитриевна — язва она этакая! Та прилюдно так говорит: Пескарь забегаловку открывает! Ей уже и название придумала — «У Пескаря»...

— Да ну тебя вместе с Лидией! Околесицу какую-то несете! А ее и слушать нечего! Сама — кнопка кнопкой, а зла из всех дыр прет! Намеет она — только уши развешивай! Пошел я!

— Иди! Но не пей там до поросычьего визга — искать не пойду! Да и перед людьми не позорься...

— А на что пить? — удивленно пожал плечами Пескарь. — У мужиков в кармане — вошь на аркане, и у меня копейки расколотой нет. И не бойсь — себя не опозорю...

Он ушел. Внучка покуксилась было, попросилась с ним, но бабушка снова не отпустила: нечего, мол, на пьяных мужиков смотреть, да и комары вечером заедят, спуску никакого давать не будут.

Пескарь еще и на полянку не вышел, но в просветы в кустах заметил: в беседке за столом уже кто-то сидит. Сколько ни присматривался он, узнать было невозможно. Пленка не стекло. Она размывала темнеющие фигуры, делала их напрочь неузнаваемыми.

«Неужто уже мужики собрались, сидят премию обмывают? А может, и Сергей Александрович уже собственной персоной появился?» — строил он догадки и набавил шагу.

Но едва вышел на чистое место, силуэты в оконных проемах ожили, засуетились и исчезли. С гиканьем и свистом из беседки выскочили и понеслись сломя голову мальчишки. Они убежали, приклонившись и не оглядываясь, горохом закатились в ивняковую чашу, спрятались. «Ну, пугливые какие! Или уж я такой страшный?» — подумал Пескарь, вошел в беседку и тут же обернулся назад, сердито глянул в ту сторону, куда шустрými зверьками убежали сорванцы.

— Уши бы вам надрать! — надеясь, что они его услышат, нарочито громко крикнул им вслед и пригрозил пришибленным, все еще припухшим потемневшим пальцем. — Поймаю — так и сделаю! Не посмотрю, кто и чей!

От пола, начисто выметенного внучкой, не осталось и следа. По всей беседке валялись пустые пакеты из-под семечек, шелуха, фантики-обертки от конфет. Под столом дымились наспех брошенные окурки и игральная карта — валет бубновый. Цветов не было. Банка из-под них, разбитая вдребезги, тускло поблескивала в

углу, ромашки, разлетевшиеся веером, покоились там же, завяли, поблекли.

Пескарь оторвал глаза от загаженного пола и обомлел — будто кол проглотил. На стене, для которой он с особым старанием подбирал каждую досочку — поровнее да побелее — жирно и крупно было выведено углем: «Пескарь! Не ищи дураков — сам дурак! И внука твоя — дура!» Ниже была неразборчивая подпись.

Он побагровел, готов был не только натереть их за уши, а схватить за шкуру, провести по всей деревне, а потом увести их в село и передать в руки родителям — вот, мол, привел — воспитывайте: хоть под замок сажайте, хоть ремень в руки берите! С малых лет бедокурят, а потом что будет...

Но Пескарь быстро пришел в себя — вот-вот мужики нагрянут, а у него в им же хваленой беседке двор проходной, ногу поставить негде.

Первым делом он нарвал пучок свежей травы и принялся стирать ею надпись — убирать самое обидное для него. Она стиралась с трудом. Угольная чернота расплзлась в большое непонятного цвета пятно. Свежая сочная луговая трава сдобрила ее оттенком зелени. Но уже надпись исчезла или осталась заметной, но неразборчивой — никто не прочтет, никто не догадается... Потом подмел пол, смахнул со стола остатки семечек — сорванцы, видать, в спешке рассыпали и с собой не прихватили. Шелуху и мятые драные пакеты выкинул. Выбросил и увядшие, растоптанные цветы. Нарвать свежих времени у него уже не оставалось, да и ставить их не во что — другой банки не было. Но карту игральную приберег. А вдруг да кто объявится и признается во всем, может, и стыд обретет.

Гости появились скопом — все разом. Их прямо с работы сюда Василий подбросил. Сам из машины даже не вылез — домой пулей. «Ниву» свою в гараж замыкать не стал — под окошком на улице оставил. На реку пешком прималхтал: жены дома не оказалось, а то она могла бы его выручить, подвезти. А его за баранку в подобных случаях — в гости ли или из гостей надо — ни за какие коврижки не усадишь. Чем-чем, а правами своими он дорожил — в них у него все: и отдых, и работа. Не было только самого главного для Пескаря — хозяина пилорамы. Но тот ему сразу по телефону оговорился: прие-

ду — железно, но, может, припозднью — дел выше крыши. Может, и не один заскочу, с гостем своим. Просит, мол, отдых на природе ему устроить, да все времени не нахожу. С вами не хуже отдохнет...

Мужики водки навезли, закуски всякой разной. На столе у них, как на Маланьиной свадьбе, — колбаса, сыр, консервы, водка по стаканчикам разовым разлита. Выпили по одной, за беседку тост поднимали, чтобы уют в ней всегда был и стояла долго, как каменная. Пескарю каждый из них руку пожал, по плечу дружески потрепал.

Сергея Александровича не было. Он, как и сказывал Пескарю, припоздниться может — так и получилось. Мужики поозирались-поозирались по сторонам и решили: семеро, мол, одного не ждут, да и хотя мужик он компанейский, такого же мужицкого розлива, компанию не составит — с давних пор никакого спиртного не признает. Хозяин беседки держал ухо востро — к каждому гулу с дороги прислушивался: не Сергей ли Александрович на своем внедорожнике подкатывает. Мужики уже разуверились, что он заявится, но Пескарь уверял: слово у него — камень! Посулился, значит, приедет...

Мужики за столом — Пескарю знакомые, свои, деревенские. Со всеми в бытность не раз приходилось хлеб-соль водить, а с Василием-соседом вообще чуть ли не одним домом жили. Они выпили, баланду травят, гогочут гусями весенними. И то ли шум их услышал, то ли из бабьих сплетен распознал об этой мужицкой сходке Евгений-ветеринар, приплелся. Его в деревне знали как облупленного и все как огня сторонились. Хотя и незаносчив он был, ровен со всеми и даже приветлив, а вот недолюбливали его. Было в нем нечто отталкивающее — жадность не жадность, скупость не скупость, но что-то близкое к этому. Денег у него всегда было — куры не клевали, но никто не видал, чтобы он пил на свои. Мужики, бывало, сообщают, карманы выворачивают — не вывалится ли какая копейка, наскребут на бутылку, и душа у них тает, будто в рай полетела. Купят в лавке, ватагой за магазин и только свернут бескозырку у пол-литровки, ветеринар тут как тут — сбоку пристраивается. Пригубит он малость,

а потом боком-боком и мылом к ящику-столу пробирается и бутылкой этой командует — мужиков угощает... Они иногда на него косились, собирались даже по заливку наподдавать, но он от них шутками своими отмазывался. Да и мужики, которые скотину держали, в обиду не давали — он для них и царь, и бог. Обижать ни в какую его нельзя, — рассуждали они, — самим же не ровен час челом перед ним бить придется: поросенка ли подложить, корове ли по весне копыта пообтывать, укоротить...

Ветеринар, будто он всю жизнь не хвосты коровам задирает, а с топором бегал — дома строил, с видом бывалого техника-строителя обошел беседку кругом, осмотрел и даже кулаком по углам постучал, а потом вошел внутрь, сел за стол...

— Мимо проходил, — изъяснялся он, — слышу: голоса знакомые. Дай, думаю, зайду... Да и слышал от Лидии Дмитриевны, что Федор на берегу Яшкиного омута терем себе отгрохал. Не поверил ей. Она же на выдумки и небылицы мастак! Да еще какой! Соврет и глазом не моргнет или такого сплетает, что хоть стой, хоть падай. Однако, вижу, в этот раз не зря языком молола — неплохо получилось! Так ты, Федор Фомич, и в самом деле здесь забегаловку открывать собираешься? Давай пробуй! — подбодрил он хозяина. — Жить будешь — как сыр в масле кататься! А если сюда еще и свет протянуть — вообще гужом люди попрут...

Слова эти были для Пескаря как бальзам на душу: ветеринар, который, не глядя даже, обычно хаял все, что не его руками сделано, а тут в похвале захлебывается. Поэтому хвальба эта дивом дивным ему казалась. Но только одно напоминание о Лидии Дмитриевне всю эту картину смазывало. Федор Фомич не мог терпеть эту баболовку, которая без подковырки да без издевки слова сказать не умела, а скорее не могла. «Злая баба, одним словом, змея подколотная», — так за глаза о ней в деревне говорили многие, потому и сторонились ее, не откровенничали при ней и лишнего ничего не говорили.

Ветеринар выпил вместе со всеми, закусил. Мужики добряками в этот день оказались — глаза на него не косили и зубами не скричали, неприязни к Евгению у них как не бывало — тут же налили ему штрафную. Он опрокинул зал-

пом, и ему рот хоть кляпом затыкай — разговорился и замолкнуть не может — заликает и заликает. У него всякой смешной всячины, как из кобылей головы, прет и прет. Мужики за столом сидят, от смеха трясутся, будто под ток электрический попали. Умел ветеринар небылицы травить, а когда еще шлея под хвост попадет после стопочки-другой, в нем дар особый открывался.

В шуме и гаме Пескарь всё проворонил — не услышал и не заметил появившегося в дверном проеме Сергея Александровича и рыжего молодого парня.

— Привет, мужики! — пробасил хозяин пилорамы и по кругу поздоровался с притихшими мужиками. — А знаешь, что я скажу? — обратился он к Пескарю. — Я бы так не построил. Аккуратности такой бог не дал. Молодец! Только вот проход узковат — а вдруг я еще дороднее стану?.. И сейчас еле втиснулся, а что будет, если и дальше раскисать буду, как квашня старая?.. Но дай бог, чтобы постояла. Хоть где-то теперь отдохнуть можно, чаю попить, искупаться и, как вы сейчас, с бутылочкой посидеть. Хотя, ребята, грешно это — вы не тело, душу свою травите. Подумайте головами своими, куда они еще не туманны очень. Грешно это — себя гробить и семьи свои...

Сергей Александрович, хотя ему мужики и предложили место, причем каждый свое, за стол присаживаться не стал. «Извините, — говорит, — но не могу. Сейчас мне не время и не пора. Жизнь моя такая, как у суки, всегда не до скуки. Я за себя, — обернулся он на своего молодого спутника, — заместителя оставляю вам. Он вам сейчас блюдо царское приготовит! Рыбы накопит — друзья-рыбаки с Ветлуги сегодня привезли. А куда мне? Сюда вам и привез. Только смотрите, чтобы завтра у меня тараканами мореными не ходили! Выгоню — глазом не моргну! А его, — выставил он впереди себя гостя, — не обижайте. Парень издалека ко мне приехал — племяш по имени Вадим. Сын сестры двоюродной — в гости в кои веки высобирается. Вы ему невесту лучше подсмотрите да подскажите — женить мужика надо! Скоро тридцать, а все еще в бобылях ходит!

Он откланялся и уехал. Пескарь развел костер, гость, племянник хозяина пилорамы, коптильней загремел, рыбу на поддон начал

раскладывать. Мужики на свежий воздух высыпали — которые курили около беседки, которые зеваками подле костра притихли, глаз с повара приезжего не спускали — мало ли сами когда рыбу коптить придумают, а как это делается, еще и не видали.

— А ну, мужики, — взбаламутил всех Пескарь. — Или я зря удочки сюда возом притащил. Турнир объявляю: кто больше наловит?

Мужики скучились, загалдели наперебой:

— О-о-о, давай-давай!

— А каким приз будет?

— А время зачетное?

— Да как получится, — ответил Пескарь, обрадованный, что мужики так заинтересовались его идеей. — Пока рыба на костре коптится, а понравится рыбалка, так и продолжить можно. Хоть до утра... А вообще-то, — знающе добавил он, — рыбалка — дело святое. Время, проведенное с удочкой на реке, в отпущенный нам свыше срок не входит, исключается из него. Так мне еще мой дед сказывал...

— Для удачи надо малость на грудь принять, — предложил Евгений-ветеринар и сбегал в беседку за стаканом и водкой.

Мужики выпили, выбрали себе по удочке. Пескарь червей по шепотке выделил — по спичечным коробкам разложили и разошлись по подготовленным еще со вчерашнего дня местам.

Все разом притихли, но ненадолго.

Тишину нарушил ветеринар. Он закричал так громко, что мальки по всему омуту всполошились, завыпрыгивали из воды:

— Поймал! Поймал! — снимал он с крючка растопыренного во все концы ерша.

— Ну и рыбина! Невелика радость! — отозвался его сосед. — Вот если б леща или язя — тогда другой разговор! А это что — разве рыба!

Но ветеринар не унимался и даже с крика на визг перешел:

— Ну и что? Я же первый поймал! Значит, и мне приз полагается, да тем более ерш этот — первая рыбина в моей жизни. Я ж на рыбалке никогда не бывал! У меня, так сказать, праздник сегодня двойной, а потому и приз должен быть особенным, может быть, двойным... Тогда вы ловите пока, а я сбегая приз приму — не возражает никто?

— Да иди ты, иди, балаболка! — донеслось ему вслед. — Всю рыбу распугал, так с тобой и без ерша даже остаться можно...

— Все-все, мужики, убегаю! Я свою уже выловил, — он смотал удочку и вскарабкался наверх.

Еще несколько раз над рекой раздавались радостные возгласы. Пескарь, сам себя провозгласивший судьей, не спускался к воде, а ходил с важным видом по берегу, пристально поглядывая на рыболовов. Потом около него появился Вадим и вполголоса сообщил:

— Одна закладка готова. Посуду бы надо — рыбу готовую сложить...

Пескарь гостей ждал, но с посудой в полете оказался и замену ей никакую придумать не мог. Но сообразил мигом:

— Все, мужики, финиш! Удочки на место, и все к костру — рыба поспела! Разбирайте — коптить надо освободить...

Мужики, как тараканы из щели, дружно вылазили на берег, ревностно поглядывая друг на друга — кто кого переловил? Победителя они определили сами — Василия. Тот тихо сидел вдаль от всех — в самом начале омута и натакался на окуней, да таких крупных и горбчатых, что даже сам Пескарь, днюющий и ночующий в этих местах, — и тот позавидовал его улову:

— Ну, сосед, удивил! А говорил: рыбачить не умеешь!

Над рекой растекалось полупрозрачное молочного цвета марево. И было непонятно: то ли это туман с реки подымается, то ли это такой густой аромат свежей копченой рыбы — им залита, казалось мужикам, вся округа. Они, обжигаясь, хищными птицами хватывали с поддона, перебрасывали из руки в руку дышащих жаром шурят и подъязков. А гость все еще хозяйничал у костра, отойти от которого он не мог. Ветеринар, уже изрядно окосевший, неуверенной походкой доковылял до него, но наливать водку в стакан не стал — побоялся, что расплескает или вообще прольет все мимо. Вадим принял у него из рук поллитровку, булькнул каплю-другую — не до этого, мол, того и гляди — рыба на жару вспыхнет...

У костра ветеринара развезло, заводило из стороны в сторону — вот-вот на раскаленные угли завалится. Вадим отставил в сторону коптить, подхватил его под мышки, окликнул мужиков — подсобите!

Те набежали всей оравой. Ветеринар уже обмяк, сделался ватным и только мычал, крутил головой и смотрел по сторонам осоловелыми непонимающими глазами.

Мужики еще не обессилели, за руки, за ноги его и понесли подалеже от огня.

Пескарь стоял у беседки, командовал:

— Сюда, сюда заносите! Здесь теплее будет! На досках все-таки, не на земле...

Они бережно положили все еще бормотавшего и сияющего подняться Евгения на пол — в сторонке от входа, чтобы не наступить и не изувечить. Пескарь снял с гвоздя долгополый плащ-брезентуху и заботливо накрыл свернувшегося в клубок ветеринара.

— Теперь уж точно не околеет, да и комар лишний не тронет...

— Но и оставлять его здесь одного, — рассудил Василий, — боязно. Мало ли что — и помочь некому. Да и спяну-сдуру заплутаться может. Кусты, темь кругом...

— Да чего вы о нем печетесь? — глянул на ветеринара живущий с ним рядом Митяй. — Знаю я его! Минут пять пройдет, и глаза откроет, протрезвится, как стеклышко будет.

Андрей откухарничал и заправским официантом поставил на стол на этот раз немного подгоревшую рыбу прямо в поддоне. Она выглядела аппетитно, но мужики уже набили брюхо до отвала и нос воротили от закуски. Василию позволила жена. В таких случаях она обычно чесу мужу давала и сразу снималась с тормозов, а тут — он сам удивился — поинтересовалась только, все ли ладно у них да, мол, и домой уже не пора ли? Если надо, мол, приеду заберу...

Василий и в лице переменялся, и грудь свою широкую колесом сделал. Он гордился своей женой и всегда принародно расхваливал ее на все лады. Зина его в доме весь воз дел хозяйских на себе тянула, а потому он жил с ней как у Христа за пазухой. У нее на кухне всегда как в ресторане, — чего толь ни наготовлено, и в огороде полный порядок, и дети ухожены, с носами осопливленными не бегают. Но особою гордостью у Василия было другое: она у него права шоферские еще с девок получила и на машине разъезжала так, что иных мужиков зависть брала. А потому, если и намечалось Василию на грудь принять — он и в ус не дул: ста-

вил «Ниву» под окошком и гулял на широкую ногу, знал, что жена, как таксист, пунктуальна, по первому же звонку приметелит и заберет его едва тепленького...

— Еще по граммурке пропустим, Евгений расчухается, придет в себя, и по домам пора правиться... Утром же на работу, — рассудил Василий, разливая по стаканам оставшуюся водку.

Ветеринар, как и предсказывал Митяй, минут через десять действительно ожил, зашевелился, потом разошелся в чихе и скинул с себя плащ-одеяло. Он открыл глаза и, не поднимая головы, заозирался по сторонам:

— А где это я? — спросил он то ли сидящих за столом мужиков, то ли сам себя и тут же вспомнил. — Все понятно... Понял — у Федора в беседке. Домой, мужики, как-то надо, — ветеринар сначала сел, а потом, даже не опираясь ни на что, уверенно встал на ноги.

— Сядь, посиди, Семеныч, — подвинулся Митяй на скамейке. — Но водки уже, увы, — развел он руками, — нема. Проспал...

— Сейчас и мы сворачиваться будем, — сообщил Василий, — такси свое доморощенное вызовем, — и вынул из кармана мобильник. — Давай, мужики, собираемся — сейчас раз-два — и машина будет подана!

Мужики засуетились. Пескарь запел «Наши сборы недолги...», собрал в пакет рыбки хребты, колбасную кожуру и отнес к теплящемуся еще костру. Стаканы Василий составил один в один, отодвинул на край стола — пусть, мол, стоят, авось да кому-нибудь еще или же нам самим пригодятся.

— А рыбу куда? Неужто я зря коптил?

— Да вон у Евгения Семеныча сумка есть, — подсказал Митяй.

Он соседа своего звал только по имени-отчеству и всякий раз старался угодить ветеринару — у Митяя скотины полон двор, и мало ли обратиться снова за помощью придется.

— Складывай ему! Он же за столом почти и не сидел и рыбу даже не пробовал. Зачем же повара такого завидного обижать...

Ветеринар не противился и такому обороту, а, попробовав рыбу, облизнулся котом и обрадел, зырякая на поднос: «Столько много! И все — мне!»

С дороги протяжно засигналила машина.

Мужики потянулись по тропинке. Впереди с сумкой шел ветеринар, замыкали ватагу Василий и Пескарь, и тоже с поклажей. В большом пластиковом пакете он нес пустые, опорожненные мужиками бутылки. Они тихо позванивали, били Пескаря по ляжкам...

— Сдавать, что ли, собираешься? — обернулся Василий и тут же добавил: — Нынче же не принимают.

— Да хоть с глаз убрать, а то ведь и ребятишки тут ко мне, бывает, заглядывают, увидят. В бак мусорный брошу...

— Тогда давай помогу... А вот удочки оставили, забыли, — спохватился Василий.

— Да кто их возьмет? — спокойно отозвался Пескарь. — Такие нынче не в моде, да и знают все, что это мои...

Над рекой опускался густой прохладный туман, едва пробиваемый яркими фарами «Нивы»...

5

Утром деревенский магазин был как встревоженный улей. Жена ветеринара натакалась на копченую рыбу — она ее нюхом учуяла, попробовала и давай пытаться мужа: где такую вкуснятину взял?

Тот то ли в самом деле запямятовал, то ли, чтобы Пескаря в ее глазах на щит поднять и от себя отвести ненастье — она его за пьянку всякий раз в пух и прах разносила, слукавил:

— Пескарь дал, — не задумываясь, кротко ответил он. — У него там ее было! — он глаза даже зажмурил от удовольствия, будто кусок этой запашистой рыбы только сейчас на зуб положил, хотя он и вечером ее горячей не пробовал — пил без закуски. — Там ее столько было — ешь не хочу!

Жена у него — баба-душа нараспашку! Бывало, напечет пирогов, в сумку их — и в магазин. Всех знакомых и незнакомых потчевать. Так она и с рыбой поступила — все, кто были там, отведали и в пересуды пустились.

— Неужто просто так, ни за понюх табака и отдал?

— И рыба-то как на подбор — крупная! Неужто удочкой наловил?

— Да он же ни сетями, ни бреднями не ловит... Никто не видал.

— Да ему копить да продавать надо! Я бы первая брать стала!

— А он, может, и будет. Избушку, мужик мой сегодня провещился, там поставил, и окна даже вставлены...

— Ну вот! А кто говорил, что весь его труд и хлопоты псу под хвост полетят?! Он всем нос утер!

Треп бабий до полудня не умолкал. Но если раньше здесь бабы перебирали то да се, перекидываясь с одного на другое, то сегодня переиначились — талдычили только о нем, о Пескаре, словно он со вчерашнего вечера пупом земли стал, и если не всей, то все равно не шишка на ровном месте — в деревне теперь он самый знаменитый и важный.

Молва эта и до него самого донеслась. Он только усмехнулся сначала: ну и бабы-сорочье! Мелют что-то несусветное! Мелют, что было и не было, и чура никакого не знают: то от греха с этой беседкой не оборонюсь, и вообще она мне боком выйдет, а теперь вот до небес вознесли и готовы на божницу посадить...

Пескарь хотел было сбежать в лавку, угомонить баб — выложить им всю правду-матку: и рыбу он не ловил, и не коптил, и не избушку на берегу построил, а беседку, — заходи любой, наплевать — не скажет. А то языки пустые! Магазин там открывать... Смех на палочке!

А потом подумал, покумекал и решил: какой же дурак от славы отказывается! Пусть бабы судачат — не в грехах каких-то обвиняют, не собак вешают, а расхваливают кто как может. На улице вышел — деревню не узнает! Будто он помолодел годков на тридцать или — бери выше! — в космос слетал. Бабы из магазина тянутся, глаз с него не спускают, каждая из них головой кивает и здороваётся с ним ласково и уважительно — по имени-отчеству. Даже те, мужья у которых до полуночи вчера у него в беседке за столом сумерничали — и те не ершинились и не бычились, как бывало не раз, когда они с мужиками за магазином на ящиках застолье устраивали или у него в предбаннике мышками серыми затихали, поллитровку настойки перцовой промеж ног пряча.

Сидит он на скамейке под окнами дома, приятно ему — все добра, здравия желают.

Пескарь гоголем-моголем ответные поклоны отвешивает. Жена с внучкой снова в гости подались — на этот раз Клавье помочь грядки уладить — та незамогла что-то...

А он под окошком на солнцепеке торчит бобылем, будто у всех на виду сидит, лапти сушит. Самые языкастые да бойкие уже клинья к нему подбивать начали:

— Федор Кузьмич, как бы рыбки такой же заказать? Дочка с внуками навестить собираются...

Пескарь на мгновение задумывался, как бы позаковырестее им отчебучить, потом отвечал на полном серьезе и коротко — не любил он с бабами, даже шутя, языки чесать:

— А уже все! Считай, заказ принят! Могу и с доставкой оформить...

— Да будешь ты из конца в конец бегать! Сообщщи — сама прибегу...

— Эх, — улыбался он и с сожалением качал головой, — проснулась, голубушка! Надо было раньше прибегать, пока пары были не спущены! Позвоню, да и дочка у тебя еще не сегодня придет... А придешь — вдруг да моя в ревности исходить будет, и полетят тогда клочки по закоулочкам! Обоим нам с тобой космы выдерет...

— Да ну тебя! — расцветала в улыбке собеседница и будто молодеда, бойко перескакивала через придорожный кювет и догоняла бредущую из магазина попутчицу.

Пескарь приставлял ладонь к уху, прислушивался — о чем они там говорят?

— А я уже рыбы заказала копченой, — хвасталась та, которая только что стояла перед ним.

— Неужто и в самом деле он ею торговать будет? Это все болтовня, думала... А он, смотрика, в бизнес кунается. То-то и с хозяином пилорамы, говорят, теперь на короткой ноге. И к нему, видать, клинья уже подбил.

— Торговать не торговать — не знаю: ничего не сказал про это. Да и дороже денег в любом случае не возьмет, не станет три шкуры драть...

Говор удалялся, становился неразборчивым и вообще сливался с общим шумом улицы — визгом собак-пустолаек, ревом мотоциклов, шумом редких машин...

Пескарь был на седьмом небе. Он даже не ожидал, что все так обернется! И теперь уже не осуждал баб-болтушек, нагородивших про него

такого и, главное, поверивших во все, о чем почти весь день языки чесали. Ну, назагубили малость — эка беда! Но зато, рассуждал он, почесывая свой небритый сегодня подбородок, на руках теперь носить готовы!

После полудня магазин опустел. У Таньки-продавщицы — день рабочий короткий, полставочный, она показала на часы и вытурила всех на улицу. Магазин закрылся. Утихли и разговоры про Пескаря, про его домик на реке, который в ходе пересудов в глазах посетителей лавки, наверное, на целый этаж вырос и окнами пластиковыми на дорогу уже смотрит, посетителей зазывает. Под вечер он дождался шляющихся по гостям жену и внуку, обмолвился меж словами, что собирается на рыбалку. Лерка с радостью запрыгала перед ним, но Настасья Петровна встала у дверей и руку на косяк шлагбаумом положила:

— Сам хоть куда отправляйся, а ее за собой не таскай! Комарье сейчас чуть не съело, а вечером вовсе заживо заест! Иди и не сомускай! Не пушу...

Перечить жене Пескарь не стал, да и сам в глубине души жалел внуку — от комаров на реке и в самом деле никакого отбоя не было. Сколько разных мазей и спреев перепробовал — проку от этого только на полчаса, а потом комары, наоборот, наверное, со всего леса слетаются. А мошка — так та вообще ничего не признает, не боится и забирается везде, куда ей вздумается, — даже сетка мелкая от нее не защита.

Он отправился налегке. Со стороны не всякий бы и догадался, что Пескарь идет на рыбалку. Ни удочек у него, ни привычной сумки рыбацкой. Все еще со вчерашнего вечера было оставлено там...

Свернув с дороги, он сразу увидел маячащие впереди фигурки и прибавил ходу. Впереди шумной ватагой мелькали те самые озорники, которые вчера вечером таились по кустам. Некоторые шли, то и дело откидывая руку на отлет, курили. Самый маленький почти по земле тащил тяжелую сумку, ребята постарше подгоняли его легкими шлепками по затылку, сыпали матом, потом срывались на дружный хохот. Пескарь не стал их настигать, да и смысла в том никакого не было — они бы такого стрекача дали, что гнаться за ними — как черепахе за косоглазым.

Он крадучись пробирался за ними, то прячась за кустами, то короткими перебежками. Ватага озорников высыпала на поляну и прямым ходом направилась к беседке. Но шли теперь с осторожностью, притихшие... Передние вытягивали шеи, осматривались, нет ли кого в беседке или у реки. Пескарь решил выждать, когда они заберутся в беседку, и накрыть их там, как в мышеловке, одного-двух потрепать за уши, постращать, что если будут еще безобразничать — наябедничает родителям.

Но это ему не удалось. Кто-то из озорников оказался глазастым очень. Он увидел таящегося за кустами Пескаря, и над поляной молнией пролетел его тревожный пронзительный крик:

— Бежим! Пескарь!

Они спортсменами-спринтерами пустились наутек. Но в этот раз они бросились не враспынную, а цепочкою друг за другом, будто волки по глубокому снегу: впереди — самые сильные и рослые, за ними — мальчишки послабее. Последним ковылял карапет с увесистой сумкой.

Пескарь выскочил из засады, пустился вслед в надежде хоть одного за шкварник ухватить. Он уже почти догнал карапета, уже целился сгрести его в охапку, но тот повернулся к нему своим искаженным от испуга лицом, бросил в сторону сумку и с ревом замельтешил среди кустов.

Сумку пока Пескарь поднимать не стал, а спрятался в двух шагах от нее и терпеливой кошкой выжидал — не подойдет ли, не подкрадется ли кто, чтобы забрать свою потерю? Но никто не появился. Шкодники то ли крепко перепугались, то ли хитрее оказались и за сотню метров чувствовали засаду или даже откуда-то издалека видели Пескаря. Он поднял упавшую в траву сумку, раскрыл ее. В нос ударил резкий запах пива. Оно тонкой струйкой стекало на землю. Верхние две бутылки были разбиты, под ними рядом лежали еще штук шесть уцелевших, с белыми колеблющимися шапками под стеклом, пара пачек сигарет...

«Навадятся — беда будет!..» — подумал он и перепрятал сумку в густые ершистые заросли песчаника под кустом, около самой воды, а сам с удочками пристроился неподалеку.

Он следил за поплавками, улавливал их ма-

лейшее движение, но не как в прошлые рыбалки, когда, сидя на берегу в ожидании поклевки, забывал про все на свете, а чутко прислушивался, не объявится ли кто у беседки? Но ни голосов, ни подозрительных шорохов сверху не доносилось. Только монотонно и однообразно щebetала почти над ухом маленькая пташка да на елках напротив перекаркивались вороны.

Пескарь сидел на том самом месте, где вчера вечером его сосед Василий под пьяную лавочку натаскал окуней, что все диву дались, даже он сам. Хотя и рыболов он оторви да брось, и ловил шалаяй-валяй, а рыба на него шла. Да и закон неписанный среди их рыболовной братии, видать, существует: небывалым и неумехам везет, особенно, когда удочку в руки берут впервые...

Сегодня Пескарь еще раз убедился в этом. Ни окуней-горбачей, ни другой рыбы покрупнее... Одни ерши, да и те чуть более спички, но брали жадно, взаглот — снимать с крючка таких сплошная морока! Колючки, слизь и глаза стекленятся большие, бесстыжие, нагловатые.

...Наверху за плотной ширмой кустов протарахтел мотоцикл и заглох над самой головой у Пескаря. Послышались отчетливые голоса, разговаривали двое:

— Смотри-ка, не натрепали! Место и в самом деле клевое...

— Самое то! — отозвался ему кто-то невидимый. — И крыша есть, и вода искупнуться рядом....

— И кусты... Мало ли кому уединиться захочется! В беседку заглядывал — нишак! И искать лучшего ничего не надо... Поедем мужиков порадуем, пусть к вечеру собираются и сюда лыжи вострят. Эх, гульнем!

— Да погоди ты! — оборвал его собеседник. — Не таракти! Нам же сказали, что — как же его кликуха — то ли Пескарь, то ли Окунь? — где-то здесь должен быть. Надо с ним столкнуться...

— О чем толковать? Смесишь ты... Искать теперь его будем, пятки лизать?! Да приедем — и баста! И спрашивать никого не будем! Такой-то компанией! Да кто нас выгонит — наоборот, за версту обходить будут!

— А вдруг сегодня здесь другие соберутся — мало ли поводов бывает! Приедем — драться, что ли, за место будем? Молод ты еще! Все

должно решаться тихо, мирно и без обид каких-либо. А то приедем, спрашивать не будем, морду еще кому начистим... Чистильщик нашелся! Мальчишество это! Ничего, скоро из тебя браваду вытряхнут... Научит армия родину любить!

— Ладно, не воспитывай! — донеслось с обидою в голосе. — Пойдем тогда, по берегу пошарим. Сидит, может, с удочкой где-то, притаился...

— От тебя прячется. Уж больно ты яр да грозен...

— А я чего?

— Да не дуйся ты. Я же в шутку...

Они прошли по берегу и уже повернули обратно к мотоциклу. Пескарь увидел их изда- лека. Рослого, коротко стриженного — почти под Котовского — в селе видал. В магазине — в каком, не запомнил, да еще где-то сталкивал- ся с ним нос к носу. Второй — хил, низкоросл, как заморыш. Некоторые из тех озорников, давшие деру от него, были и то заправнее это- го. Он же был похож на школьника, да и то не самых старших классов, и непременно на ша- луна, которому только бы где нашкодить; гла- за бегающие, вороватые, рыжие волосы свиса- ли до плеч, а веснушек на лице — будто горстя- ми набросано. Пескарь присмотрелся к нему: в деревне своей даже видал, и не один раз! К кому-то из наших приезжал... Уж не Лидии ли Дмитриевны родник?

Рыжий шел впереди, но, как они увидели скраденного кустами Пескаря, замедлил шаг, пропустил мимо себя бритоголового.

Они поздоровались, но спускаться к воде не стали — побоялись, видимо, Пескарю рыбалку испортить. Разговор начал здоровяк. Так, мол, и так, люди подсказали, что здесь отдохнуть можно неплохо...

— Наговорят ныне что хочешь — языки без костей, вот и треплются тряпками на ветру, — попытался приbedниться Пескарь, хотя у него на лице было написано — лстили и по нутру были ему эти слова, слух о нем, о беседке его и до села долетел!

— Короче, дед, дело такое! — пояснил рос- лый. — У него день рождения — восемнадцать стучает. А через недельку он сапоги топтать отправляется, в армию призывают. На зеле- ной решили отметить, — повернулся он к на- парнику и потрепал его рыжий загривок. Тот,

выглядывающий из-за спины здоровяка, ка- зался Пескарю теперь уже не школьником-ба- лунишкой, а смазливый и вертким чертенком! Хвоста только и недостает...

— Если здесь у тебя соберемся — не против будешь! Или кто уже опередил, занял?

Пескарь окинул ребят взглядом, словно на весах взвесил, — будто бы покладистые, серьезные...

— Так вчера у нас тут гулянка была, а сегодня пустует беседка. На то и сделана — душу отво- дить на воле вольной! Только, — погрозил он пальцем, — чтобы все, как сейчас там, оста- лось. Чистота и порядок должны быть, чтобы перед другими не срамиться. Да смотрите — тут пацаны гурьбою бегают, за ними глаз имейте — набедокурить могут...

— Все, дед, заметано! — заверил рослый. — Сам следить буду!

— А рыбы у тебя можно огоревать? — высунулся чертенок и заискивающе поинтересо- вался у Пескаря.

Тот руки развел:

— Пока ничего не скажу. Рыбалка — игра кар- тежная. Поймаешь не поймаешь — даже бабка не нагадает. Пока одни ерши... А повезет, я вам в беседке оставлю, банка там есть — в нее потом загляните. В армию уходишь? — спросил Пес- карь, глядя на рыжеватого. — Это дело нужное. Только что ты, как клоп, маленький?

— Не беда! — усмехнулся напарник конопато- го. — Там откормят и труху лишнюю вытрясут, а за уши вытянут до нужного размера. Хотя он мал-мал, а большие боятся! Ушлый! Ну, давай, дед, ни хвоста тебе, ни чешуи! До вечера!

Мотоцикл фыркнул и замелькал по тропинке, как на полигоне, заюлил из стороны в сторону, потом взревел и выскочил на асфальт...

«Хорошие ребята! — думалось Пескарю. — И тех сорванцов, может, приструнят, наведут здесь тишь и гладь...»

Ему в тот вечер повезло. Он совсем было уже отчаялся — ерш за ершом, снимать их надоело, но тут все как во сне получилось. Десятка два сорожин, крупных, как селедины, одну за дру- гой вытащил. Потом клев будто рукой сняло. Пескарь, как и посулился, сполоснул банку и сложил туда рыбу. Двух-трех сорожин хотел до- мой взять, но передумал: «Все-таки парень из

дома невесть куда уезжает... Когда еще такой рыбы отведает?» Добавил их к остальным, переложил рыбу крапивой и накрыл банку увесистым огрызком широкой половой доски — вороны чтобы пир сами себе не устроили. А потом на эту деревянную крышку пару сигарет из пачки отсыпал — сигареты, мол, увидят, сообразят. А то еще забудут... Да с коптильной ли приедут... Жаль, своей нет — выручил бы мужиков. Сам бы не переломился, принес...

6

Настасья Петровна, как курочка: чуть начнет смеркаться — сон ее уже с ног валит. Так было и в этот вечер. Жена кровать свою давит, храповицкого задает. Внучка-бессонница рядом с ней лежит, в телевизор глазенки пялит. Но только дед скрипнул дверью — она быстрой кошкой прыгнула с кровати:

— Как улов, дедушка?

— Маловато, Лерочка! Маловато, только кошкам на ужин и хватит.

— Это, дед, потому, что меня с тобой не было, — рассудила она. — Наверное, зря меня бабушка не пустила. А моей удочкой не пробовал?

— Нет, берегу. Потом приедешь, бабушка наша добрее будет, и мы уговорим ее — сходим.

— Ну, дед, не беда. Потом поймаешь. Ершики тоже рыбки. Чего ж тут печалиться? Только, пока мы ездим, удочку мою сбереги, — еще раз повторила внучка, потом ударилась в мечты свои детские, рассказала, как она на море отдыхать будет, каких ракушек оттуда в подарок деду привезет и обязательно высмотрит там акулу и не испугается. Она уже по телевизору ее много раз видела...

Внучка долго не умолкала, засыпала деда вопросами, перескакивая с одного на другое, рассказала ему о своей подружке школьной, о Мишке-задире из соседнего двора... Потом ее будто петух в темечко клюнул — стрекотать перестала разом, будто ей краник какой перекрыли, забралась к бабушке на кровать и, отвернувшись к стенке, притихла.

Пескарю не спалось, но он не испытывал никакой тревоги, не опасался, что там на реке кто-то вновь будет разрисовывать беседку вся-

кими пакостями или заплевывать пол шелухой. Ребята уже взрослые, свой ум имеют. «Только бы сорванцы-малолетки им под руку не попали. Дурак я, что про них сказал. Поймают да отлупят. А пьяные чего понимают — еще уродами сделают...» — эта мысль не отставала от Пескаря, все больше и больше томя душу, не давая заснуть.

Он ворочался с боку на бок, но даже в дрему не впадал. Наконец не выдержал, наспех оделся и юркнул за двери. Было прохладно, сумрачно, и он пожалел, что не захватил с собой фонарик-жучок, но оборачиваться не стал — его еще искать надо, в комоды весь его ящик с разным мелким барахлом перетряхивать... Пошел так, но шагал уверенно. Дорога ему от дома до самой беседки уже была знакома-перезнакома — только за неделю, куда ее строил, каждый день не по одному разу туда-сюда мотался, а потому и вслепую мог запросто пройти, не оступаясь и не натыкаясь на кусты.

Сверху, из-за прибрежных кустов, речная низина была похожа на гигантского зеленого змея, уползающего в лес, а в этот предрассветный час была неузнаваема. Она была от края до края наполнена густым плотным туманом. Пескарь входил в него будто в воду: туман холодил, скрывал, делал невидимыми даже придорожные столбики. Низина казалась пустыней — ни кустов, ни рассекающей ее пополам пышной извилистой змейки зелени. Густая пелена медленно скатывалась вниз по течению, едва приметно покачивалась, будто не туман это, а река вышла из берегов и затопила все, скрыла под собою.

Пескарь шел по тропинке, на ощупь и по памяти обходя сеющие дождем кусты. Он был не из робкого десятка, но вдруг остановился, замер. Со стороны беседки доносилось посапывание и непонятное мычание. Он много раз ночевал в лесу, слышал и рев лосей, и подымающее волосы завывание волков, мяуканье рыси, но это ни на что не похоже. Почудилось? Нет...

Звук исходил из беседки, становился отчетливее, громче, и сделалось понятно: человек спит! Он зашел в беседку, чертыхнулся, что не взял фонарик — он бы сейчас был очень кстати. Пескарь чиркнул спичкой: в самом даль-

нем углу, свернувшись в калачик, лежал тот самый рыжий, похожий на бесенка. Ноги у него были прижаты к самому подбородку, а руки прятались глубоко промеж ног. Его знобило. Пескарь вслепую нашел свой плащ-брезентуху, растряхнул его, что-то со звоном уронив со стола, и накрыл спящего. Тот интуитивно тут же подхватил это одеяло рукой, натянул его на себя, накрылся наглухо с головой. Рыжеволосый подзатих, но все еще взмывкивал. Слышно было, как он время от времени, будто пулеметными очередями, стучал зубами.

«Отогревать надо дурака — как же так: сопляк ведь совсем, а до бесчувствия набрался, лыка не вяжет, — качал головой Пескарь. — И друзья тоже хороши... Одного оставили. Теперь чего? В больницу как пить дать попадет... Именинник!» — он пошел к кострищу — развести огонь...

— Вставай! — обернулся он на ходу и громко крикнул. — У огня погреешься, чаем... Так ведь и скопытиться недолго! Питухи! Черт бы вас побрал...

Береста у Пескаря в запасе имелась — под беседкой лежала. Он ее на черный день заготовил — мало ли костер спешно развести кому потребуется. И вот он, такой случай, представился!

С зажженной, свернувшейся в трубочку берестиной Пескарь первым делом спустился к реке, набрал воды в котелок, сделанный им из легкой жестяной банки из-под повидла. Зачерпнул в половину — быстрее вскипит.

Он подошел к кострищу, медленно опустил котелок на примятую траву... От него тонкой змейкой поднимался дым, а по обе стороны уже потухших угольев торчали обгорелые останки скамейки. Они лежали вверх ногами и в колеблющемся свете берестины-факела будто просили о помощи, поднимая свои ножки-руки в туманное мутное небо...

«Что они, с ума спятили?! Даже малолетняя шпана до того не дошла! Надо же, спалили...» — он отопнул обгоревшую скамейку в сторону, словно все еще не веря, что это именно она, а не какая-нибудь бросовая доска, занесенная сюда весенним половодьем.

Пескаря будто варом обдало, подняв высоко над головой пылающую берестину, горьковским Данко рванулся к беседке. Позади бульк-

нула, зажурчала вода, брякнула дужка опустевшего жестяного котелка. Он готов был если не пришибить спящего в ней пьяного юнца, то схватить его за шкурку, выволочь наружу и, как пакостливого котенка, тыкать и тыкать мордой в дышащее тепло кострище, а потом отвезить его остатком скамейки и отшвырнуть в сторону — проваливай вон, чтобы и следов ваших больше не было!

— А ну, вставай! — на всю беседку заорал он, матерясь из матушки в мать и не останавливаясь, всей пятерней сгреб лежащий на полу скомленный плащ, стараясь прихватить вместе с ним и конопатого. Но его там уже не было... В руке Пескаря оказалась только свисающая до пола брезентуха. Он со злостью отбросил ее в угол.

«Убежал, сукин сын... Успел...»

Пескарь глянул на свой факел: пламя плясало, кренилось к выходу, стреляло туда завитушками темного чада. «Сквозняк!» — сообразил он и тут же ужаснулся, увидел: пленка, служившая окном, была распазгнута ножом наискосок сверху донизу и крест-накрест. «Во, наглец! — выругался он. — Я чай хотел для него ставить, огонь развести, а он... Такую пленку искромсал! Струсил, подлец! Втихаря сбежал! Струсил или совесть проснулась?»

Он глянул на второе окно, и внутри его забило: туго натянутая им пленка походила на бумажную елочную игрушку его давних-предавних лет — вся от края до края была исполосована в ленточки. Пескарь пошел к окну, но тут же поскользнулся на чем-то мягком, слизком. Он склонил факел, посмотрел вниз: по всему полу валялась растоптанная в блины рыба — те самые сорожины, которые он, простофиля, оставил вечером для гостей, даже внучке своей показать не приберег, да еще, дурак, сожалел, что у него нет коптильни. Под столом — селедочные хвосты с расплюснутыми головами, обрывки засаленных газет, окурки, скомканные и сбитые в гармошку пластиковые стаканы. На столешнице, сколоченной из строганных шпунтованных досок, — темное с углублением пятно, по краям — маленькие, будто игрушечные, головешки. «Этого еще не хватало! Костер на столе жгли! Темно, что ли, было, стакана не видели! Оттого и окно исполосовали... Я же к

ним с добром, всей душой, а они что сотворили? Хорошо еще, что здесь никто из них не сдох, не задохнулся, да и сгореть могли живо... Тогда бы и мне, — перевел он дух, — и мне хана была, затаскали бы, а то и под фанфары запросто загремел...»

Пескарь осветил берестиной стену — не появились ли новые надписи? Огонь уже начинал жечь руку, но он все же бегло осмотрел ее. Свежих ни угольных, ни других росчерков не было, но были заметны темные расплывшиеся брызги, то ли крови, то ли вина какого-то красного. Этого он разглядеть, распознать не мог: держать горящую бересту стало уже нестерпимо. Он выбросил ее подальше от беседки в росную траву. Огонь погас, но берестина продолжала дымить и, словно испуская дух, чадила струйкой плотного белесого дыма.

Убираться в беседке, наводить в ней порядок у Пескаря уже не было никакого желания. Даже окна запележивать душа не лежала, а менять столешницу — тем более. Это ж надо снова идти к Сергею Александровичу и ломать перед ним шапку. Хотя Пескарь был на все сто уверен, что хозяин пилорамы не откажет, но упрекнет — это точно. Что, скажет, прав я оказался: надолго ли собаке масляный блин? Хороша была беседка! А долго ли она простояла? Неделю? Или меньше? Нынче ничего хорошего людям делать нельзя. Не понимают, не берегут ничего и жить по-человечески не собираются. А ты не уразумел разве этого? Так вот теперь на ус мотай!

Так он представлял себе будущую встречу на пилораме, стоя у раскуроченной и загаженной за ночь беседки, из которой предрассветный ветерок не спеша выгонял устоявшийся запах водки, пива и свежей гари. Пескарь решил, что сегодня здесь он ничего делать не станет — руки опустились, да и времени особо не было: зять за внучкой должен ни свет ни заря на машине приметельить, и сегодня же они всей семьей мотанут на юга.

...Июльская ночь догорала. Туман становился плотнее, осел ниже и густыми волнами плыл вниз по реке. Уже показались вершины елок, обрели свои контуры утонувшие в ночной пелене кусты. В туманных разрывах алело небо — чистое-чистое, с редкими тусклыми звездами. И это несколько успокаивало его — день будет

погожим! Но и тревожило — сюда в такую погоду кто-нибудь да припрется! Разнюхали...

Пескарь покидал поляну, уже начал петлять по тропинке, но обернулся, вспомнив про внучкин наказ, посмотрел на тот куст, который ей, а потом и ему самому показался гигантским ежом. Удочки стояли так же торчмя, но не все. Он не стал считать, сколько осталось, но половины из них точно не было. Не увидел и ту, что внучка облюбовала и наказала деду беречь ее пуще глаза. У Пескаря в голове сразу же мелькнула опаленная огнем столешница и маленькие, будто игрушечные, головешки. Удочками, значит, топили. Вот сволота! И Леркину угробили — удочка тонкая была, легкая, будто перышко! И до нее добрались! Такую и ломать, как соломину, ни ума, ни силы не надо, и горела, должно быть, она ярко, будто лучина.

Зять Иван уже сидел за столом, трескал оладыги тещины да чаем — ее любимым — на шиповнике запивал. Внучку, видать, только растолкали. Она заспанной растрепой сидела, свесив босые ноги, на бабушкиной кровати и шумно зевала. Но только дед вошел в избу — ее будто подменили. Внучка не дала ему даже поздороваться с гостем-зятком, подскочила к нему и бросилась на шею:

— Как, дедуля, сегодня улов?

Дед только пожал плечами — не смог найти ответа, спешно освободился от ее крепких пут и подошел к столу, протянул руку Ивану.

На голос мужа высунулась с кухни Настасья Петровна:

— Вот он, появился — не запылелся! Зять хоть повидай, чудило! А то избушку себе построил на курьих ножках — и сам с нею теперь одичал, денно и ночью там пропадает, — громко, на всю избу тараторила Настасья Петровна. — Ночи напролет не спит. Я уж бояться стала, как бы не помешалось что-нибудь в голове его седой. До пенсии дожил, а ни денег, ни ума — ничего не нажил. Не я ли тебе говорила: наскребешь ты забот на свой хребет с этой сараюшкой. Раньше хоть на реку бегал — хвост-другой приносил, когда на уху, когда и соседей даже угощала. А ныне? Все дни там и ...ничегошеньки! Кошки уж вкус рыбы забыли...

Настасья Петровна мышкой юркнула за за-

навесь, перевернула на сковородке оладьи и вновь начала:

— Ты вот мне скажи, — насела она снова на мужа, — что ты там делаешь в своем курятнике? Таишься? Язык проглотил, а? А я-то знаю: не до рыбы тебе теперь, сарай свой сторожить надо, чтобы его не разобрали да не сожгли. Почтальонка только-только сказала. Хотела тебе обо всем поведать, но дожидаться не стала — расстраивать, говорит, не хочу, да и ты где-то еще шиморился. Дома не было. Она, говорит, велосипед на дороге бросала и туда к тебе забегала, видела, что там творится... Черт ногу сломит!

— Какой ляд ее туда таскал? Зачем?

— Да уж не чаевничать! Там, говорила, еще не подойдешь — так блевать хочется. Кого-то из ребят искала — тот дома не ночевал, а ему вот-вот повестку принесут из военкомата. Видать, кто-то из родных попросил... А ведь скоро, помяни мое слово, к тебе домой эти родители будут в ночь-в полночь бегать и в глаза плевать. А может, еще и мордобой тебе пропишут. И то, что наши бабы на все лады расхваливают, чепухой на постном масле окажется. Наскребешь ты на старую задницу.

— Все, бабушка, хватит! Нечего дедулю ругать! — запрыгала и захлопала в ладошки внучка. — Дедушка у нас самый лучший, самый добрый. И беседка у него на реке хорошая! Я же сама видела и даже букет ромашек на стол мы с ним поставили. Красиво очень! Вот я приеду, мы с ним туда вместе пойдем и ночевать даже там будем. Можно, пап? — уставилась она на отца.

— Мы же вместе приедем, — усмехнулся Иван. — Все вместе и сходим, посмотрим, что за беседка у деда. Может, если тепло будет, и заночуем. Понравится, так мы из дому к нему на рыбалку ездить будем, а то на озера далеко, да и не та малина: то комары заедают, то дожди — спрятаться негде...

— Ура! — обрадовалась внучка и хвастливо сообщила отцу. — А у меня уже и удочка своя есть! Но и ты не расстраивайся, там их у деда много — и тебе хватит. Даже маме — и то найти можно... Если пойдет, я ей сама удочку подберу. Я теперь умею!

Дед молчал. Он даже представить себе не

мог, что было бы с внучкой, если бы она узнала: удочки ее уже нет, цветы вместе с посудинной брошены на пол, растоптаны, нет и тех окон, сквозь которые бабушка виделась ей и полнее, и без морщинок на лице...

— Ну что, дед, — прервала его грустные мысли Настасья Петровна, — чего нос повесил? Внучка уезжает, а у тебя, наверное, и на мороженое ей дать нечего. Всю свою первую пенсию на ветер пустил — на гвозди да на дребедень всякую... С другой пенсии, может, сторожа наймешь, к избушке своей приставишь? — съязвила она и протянула внучке хрустящую сторублевку:

— Это от бабушки — покупай чего хочешь! Приедешь, еще дам! А ты чего? — обернулась она к хозяину.

— А ну-ка, внучка, — шелковым голосом заговорил дед, — пойдем-ка в коридоре пошепчемся, чтобы ни папа твой, ни бабушка тем паче нас не слышали.

Они шмыгнули за двери.

Дед присел перед ней на колени, достал кошелек:

— Вот, Лерочка, тебе пятьсот рублей...

— Да не надо, дед! Куда мне? Да и мама заругает...

— Бери! — дед настойчиво протягивал денежку. — Там увидишь, куда потратить. Фрукты, мороженое — все покупай, кушай! Подружек новых заведешь — их угощай. Не у всех же денежки бывают. Бери! А маме и не сказывай — пусть это тайной нашей будет...

— Ну, насекретничались, дед да внучка? — встретил их вопросом Иван. — Тогда, Лера, собираемся — и в дорогу. Нам пора! А то и на поезд можем опоздать.

Они по-быстрому собрались, распрощались у палисада со стариками, и машина тронулась. Внучка притихшим сверчком сидела на заднем сиденье и, пока было видно стоящих на улице бабушку и дедушку, махала им ручонкою...

7

Пескарь в избу заходить не стал, такого с ним, чтобы дома своего сторонился, еще не бывало. Он, не находя себе места, ушел в ого-

род и ходил с топориком вдоль штакетной изгороди, постукивал по столбикам, брусьям-поперечинам, в который раз проверял, крепки ли. «Дни пошли какие-то непонятные — все кувыром катится! — навязчиво плыли мрачные мысли. — Внучка побывала — будто во сне приснилась, толком ее и не видел. Пробежал с этой своей затеей, как дурак с писаной торбой. Да лучше бы он ее и не строил, беседку эту. Одна морока да боль головная! Жена теперь упреками своими да укорами колкими проходу давать не будет. Ладно бы, наедине чесу давала, а то ведь даже при зяте и внучке, принародно головомошку устроила, хорошо еще до каления белого не дошла. Ну в чем я провинился? Хотел как лучше, задумывал всем удружить, а получилось... Да пес-то с ней, с беседкой! Что будет, то будет».

Он заткнул топорик за пояс, прихватил с собой первую попавшую под руку корзинку:

— В лес пошел, — сообщил он жене из-под окна. — Грибы опровердаю.

Она будто не слышала его, не откликнулась. Пескарь уже и рукой махнул: а ну, мол, тебя, глухая тетеря, — храповицкого, наверное, задает... Но тут же, как скворец из скворечника, она высунулась из распахнутого окна:

— Оладушек бы хоть с собой взял. Да и грибов пока нет — никто не носит. Вчера почтальонку нарочно спрашивала...

— Найду не найду — не беда! Бересты хоть на растопку принесу — и то ладно...

Домой он вернулся после полудня. Всезнающая письмоноска оказалась права: грибов не было. Пескарь обошел перелески, закрайки полей — тщетно. И тут ему не везло! «Пойти, что ли, к беседке? — колебался он. Мысли о ней не покидали его. — А то ведь кто побывает — сраму не обратиться! — размышлял он. — В божеский вид привести — может, больше не станут безобразничать. Поймут. Ну не все же такие... Есть ведь и люди!»

Ноги сами понесли его туда, но на полпути он остановился: «А чего я иду?» Он представил себе обугленные останки Леркиной удочки на обгоревшем столе, растоптанные, разбросанные по всему полу ромашки и много-много мух... Больших, темно-синих, роящихся над начинающей уже протухать и дурно пахнуть на всю беседку, раздавленной каблуками пойманной им

рыбой. Пескарю вдруг захотелось пуститься во все тяжкие и напиться так, чтобы забыть все напрочь, выкинуть из головы. Может, и пройдет потом все, образуется... И снова жизнь в радость будет. А была не была!

Пескарь был мужиком с тормозами: мог пить, а мог, сколько бы ему ни предлагали, наотрез отказаться. Денег у него с собой не было, да и дома в кошельке не шуршало — только мелочь его и тяжелила, вид создавала. Он с топориком и корзинкой, с рулоном пахнувшей лесной свежестью бересты и заявился в деревенский магазин.

Ему повезло. В магазине — шаром покати. Бабы, видать, уже языки обмозолили — с утра здесь кучковались, разбрелись по домам. Танька-продавщица одиноко стояла за прилавком с газетным кулечком в руке и лузгала семечки.

— Что, Федор Фомич, купить изволишь? Табачку? Чаю? — кокетливо заговорила продавщица.

— А вот ни того, ни другого, — он наклонился над прилавком и поманил ее пальцем к себе. — Пошептаться с тобой хочу.

— Да ну тебя, беса старого! — наоборот, отклонилась она назад. — Говори — кто тебя услышит! Мыши и те за ночь наелись, а теперь хвосты свои спрятали. Вон опять, заразы, мешок с крупой распустили, под пол убежали. Хоть бы капкан какой на них, а то ведь хоть все ночи сиди и сторожи... Говори — чего пришел?

— Водки бутылку надо, — вполголоса выпалил Пескарь.

Танька даже расхохоталась:

— Нашел тоже тайну! Другие даже без очереди, через головы покупают — на весь магазин халку дерут: водки давай — трубы у них горят! А ты секретничать надумал... Чудак!

— Закавыка тут в том — водки надо и без денег, — с опаской поглядывая на двери, не появится ли кто ненароком, скороговоркой выпалил Пескарь.

— А что такого? Под запись хоть ящик, хоть весь магазин, — наклонилась за прилавок продавщица. — У меня же полдеревни с зимы в должниках ходит... Когда отдашь?

— Как пенсию принесут — так сразу! Да ты не бойся, принесу. Не люблю я с таким воньким грузом на шее ходить.

— Договорились — записываю, — зашуршала она листами в тетради. — А от Петровны, — глянула исподлобья, — таить? Не достанется мне от нее на орехи?

— Да ты чего такая боязливая? Насти трухнула?

— Так ведь ты, Фомич, в моем черном списке еще не бывал. А вдруг жена увидит, оглядит ненароком, что ты в должниках... Они ведь, бабы, так и смотрят друг за дружкой, тетрадку мою просят полистать — мужиками своими интересуются, не появились ли они там. Бывает, и чиховостят меня... А мне и мужиков жалко — приходят такие убитые, трясутся...

— Если бабы в твой талмуд пялятся, то сделай так, чтобы моей фамилии там ни одна душа не видела. А то до моей тогда сразу донесется... Что ей на ум взбредет?

— Сейчас-сейчас, — с хитринкой в глазах подмигнула Танька-продащица, — здесь я тебя вычеркиваю, даже закрашиваю. У меня же другая тетрадь есть! Потаенная... Ее никто не видит — ни бабы, ни начальство мое даже. Туда впишу... Туда я мужиков записываю, которые честны, порядочны, но у жен своих под каблуком ходят.

— Тогда записывай еще одну! — рубанул Пескарь ладонью. — Вдруг да мало покажется, а вечером где тебя искать?.. В село только... Лучше тогда сразу запастись, пока ты добрая!

— А я всегда такая! — кокетливо прыснула продащица и вновь склонилась под прилавок. — На днях только и разговоров у баб было — ты, Фомич, у них с языка не сходил. Рыбой твоей ветеринарша всех угощала, даже я пробу сняла... Беседку твою на все лады расхваливали. Где хоть она? Может, сводишь? Местечко, говорят, там укромное...

— Укромное — не всяк отыщет! — слукавил Пескарь.

А сам втайне подумал: «Двор там теперь проходной. У тебя здесь мыши по ночам командуют, а у меня и днем, и ночью. И... неизвестно кто».

— Сводить? Знаешь, что в таких случаях говорят: хватилась она, когда ночь прошла. Поздно уже — порох отсырел, да вдруг твой мужик приревнует и дрыном вдоль хребта отвозит. И у тебя волосев поубавит. Так что думай — сводить-

то оно и можно, но когда у меня там все наладится, а сейчас пока делать нечего...

— Тогда хоть рыбой копченой угости. Пробовала — язык проглотишь... А о мужике моем напрасно говоришь, мы бы с ним вместе к тебе пришли и, — озорно кивнула под прилавок, — с собой кой-что захватили.

— Время подойдет — приглашу. А с рыбой не сулюсь, — передернул Пескарь плечами. — Вот наловлю — тогда и поговорим. А то рыба у меня нынче что-то не ловится. С начала лета все сикось-накось идет...

— Да не прибедряйся, Фомич! Ведь наловил же — вся деревня пробу сымала!

Пескарь уже рот раскрыл, хотел что-то ей ответить, но осекся на полуслове, замолчал... В магазин сорокой-стрекотуньей заскочила почтальонка, которая, как говорила жена, побывала сегодня в его беседке, видела ее во всем своем благолепии. Он поздоровался с цветущей в улыбке яркой майской розой почтальонкой и тут же почтительно раскланялся — распрощался и с ней, и с продавщицей, помолодечки подмигнув Таньке, чтобы та язык за зубами держала и лишнего ничего про него не лягнула. И — был таков! Из магазина его будто метлой выгнали...

Дорогой Пескарь заглянул к соседям. В дом не заходил, толь постоял у калитки с хозяйкой, наказал ей, чтобы Василий, как только объявится, к нему спешно бежал: дело, мол, есть очень срочное, одному никак не справиться — несподручно. И уюлил восвосяи.

От Настасьи Петровны он не таился — все выложил начистоту. Пойду, мол, корзины переберу, подремонтирую — грибы все равно вот-вот полезут, и на грудь с устанку да с тоски приму малость. В предбаннике буду. Ваську увидишь — гаркни его. Перетолковать очень надо...

Жена, услышав, что он на грудь принять собирается, и усом не повела. Она вообще на его выпивки сквозь пальцы смотрела. Пил он не часто. Хмельной не выкобенивался, а, наоборот, становился ласковым и послушным — веревки из него вить можно! Бабы деревенские, которые от своих пьяных мужиков и зуботычины ни за что ни про что получали, и по деревне в одних сорочках по ночам бегали, смолodu хвалили Федора и втайне сожалели, как

такого мужика проморгали, — жить с ним, как сыр в масле кататься!

Она ему оладий гору навалила, другой закуси предложила. Только, говорит, с огнем там поосторожней — загорит баня, не унять будет. Да, говорит, ежели выпить надумал, носа из своей конуры не показывай, чтобы никто тебя и глазом не видел! Пескарь закрылся в предбаннике. Сначала было тихо, потом он голос стал подавать, была по пьянке у него такая слабость — сам с собой разговаривал, особенно когда собеседника рядом не было...

Василий после работы даже кран водопроводный не открывал, чтобы руки сполоснуть да с лица пыль смахнуть — не до этого. Забежал в дом, и снова только двери хлопнули: поспешил к соседу, теряясь в догадках, какое он там дело новое задумал. Неужто еще одну беседку хочет отгрохать? Что ж, теперь у него рука набита...

Крючок с дверей в предбаннике был откинут, Пескарь уж пьян-пьян был, а помнил — Василий должен прийти. Двери не только открыл, а распахнул настежь. К корзинам он так и не прикасался, посмотрел-посмотрел и в сторону отложил — дело неспешное, подождет. Работа эта на ум не шла.

Предбанник у него — высший класс. Стол старинный, колченогий, диван пружинный из дерматина, и тоже не первой свежести. Скрипучий, бугристый, но после парилки все это было незаметным. Самовар, наоборот, новый, электрический — зять Пескарю на юбилей подарил. У дверей комод стоит, теснится с хитрой посудой — стаканами, ложками чайными...

Чего-чего, а такое увидеть Василий не ожидал. Федор Фомич, уронив голову на стол, тихо посапывал. На столе напротив — почти допитая бутылка водки, опрокинутый набор граненый стакан, оладьи и свежие, толь из парника, пупырчатые огурцы. Василий стоял перед ним растерянный, не знающий, что делать. То ли будить, то ли хватать в охапку, как дите малое, и в дом тащить... «Вот оно какое дело срочное! И с чего же это он?»

Но сосед зря опасался. Едва он тронул Пескаря за плечо — тот отпрянул от стола, откинулся на стенку дивана и заморгал глазами, пристально взглядываясь в того, кто его тормозит.

— А-а-а, — обрадованно, нараспев затянул

Пескарь, — Васютка! А я тебя д-д-давно жду. Разговор есть... Дай руку!

Василий протянул ему ладонь. Тот, стиснув до скрежета зубы, сжал ее обеими руками:

— Хороший ты у меня сосед! А я, Васютка, плохой... Очень плохой! Правильно они написали: дурак я! Наливай, давай выпьем! Доставай стакан...

Василий взял бутылку, посмотрел на нее, подняв на свет выше головы:

— Да тут же всего ничего — оставь на завтра, подлечишься! Тебе одному это в аккурат будет!

— Васюта! Да ты что? — Пескарь выкинул руки перед собой. — Я да без запаса? Такого не бывает! — Он наклонился, долго шарил под столом: — А это что? — выставил на стол полную, еще не початую поллитровку. — Наливай! Себе — полный, мне — чуть-чуть! Я уже хорош...

Они выпили. Василий стакан ополовинил, а Пескарь только губы смочил, отвернулся в сторону и притих. Потом он прикрыл глаза ладонями и вновь уронил голову на стол. Гость закусил, нажимая на оладьи, смолотил чуть ли не всю тарелку, а хозяин и головы от столешницы не отрывал, и было похоже, что его знобит.

— Фомич! — встревожился Василий. — Плохо тебе?

Пескарь резко, будто и не хмелел вовсе, выпрямился и со всего размаха дернул кулаком по столу:

— Плохо, Васютка! Ой, как плохо! Они же, — не жалея себя, со всей силой принялся молотить себя по груди, — они же мне в душу наплевали! Думают, беседку мою испоганили... Нет, они меня в порошок смяли. Дурак я, дурак... Хотел как лучше, а оказалось... Это никому не нужно!

Он, вытирая скатывающиеся по щекам слезы, закашлял, зачихал...

— Да говори ты толком! Что с беседкой твоей сделали? Кто это — они?

— А ты знаешь, Васютка, как мне обидно! — пришел в себя Федор Фомич. — Даже ведь внучкину удочку не пожалели, в щепки истолкли. Давай выпьем, может, полегчает. Расскажу, тебе одному расскажу обо всем без утайки. Подскажи, что мне делать? Думаешь, я зря сегодня водку глушу, я душу свою заливаю... Ведь глаз своих теперь не смыкаю... Как быть, как? Не знаю...

Пескарь пить не стал. Он отодвинул от себя стакан, облокотился на стол, уставился покрасневшими глазами на соседа:

— Слушай теперь — ведь не зря я тебя звал...

Рассказывал он эмоционально, громко, то пошатываясь, вставал, опирался на стол, то сидя широко размахивал руками: кому-то грозил крепко сжатым кулаком, матерился. Василий даже дверь сначала прикрыл поплотнее, а потом и вовсе набросил на нее крючок. Когда услышанное им казалось неправдоподобным, он переспрашивал Фомича, пытался уточнить. Тот божился, что говорит чистую правду, и повторял то же самое и почти из слова в слово...

— Ну, рассуди! — Пескарь с обезумевшими глазами взял за грудки Василия и затряс с такой злобой и силой, что соседа в дрожь бросило. — Рассуди! Как быть? Что все мы с ума посходили? Где живем, там все и губим! Что у нас земля родная где-то в запасе имеется? Да нет, нет же ее?

Пескарь отцепился от соседа и вновь, как по наковальне, застучал кулаком по столу:

— Нет, ты мне скажи — ты человек молодой, толковый: что же сделалось? Почему безродными стали? Все рушим. Так и землю из-под ног сами у себя выдернем... Беседку строил, радовался, людям добро делаю. Долго ли простояла? Неделю! Свои же разбомбили... Фашисты у себя дома так не делали! А тут... Что? Что мне делать? Сторожить? Не пускать никого? Не для этого пуп надрывал! Капкан, как на зверя, ставить? Так не звери же! В полицию идти — помогите, мол, бессилому?..

Василий попытался успокоить разгорячившегося соседа, разлил по стаканам остаток водки и, не говоря ни слова, выпил залпом и уже, как Пескарь, не закусывая:

— Давай, Фомич, — начал он, теперь уже без толики сомнений в суждениях соседа, — теперь порассуждаем, хотя мы и пьяные. Сторожить дни и ночи, всех взащей гнать? Негодный вариант... С капканами — вообще бред сивой кобылы! Ну, поймаешь кого-то, изуродуешь, инвалидом сделаешь. А дальше что? Тюрьма? То-то и оно! Но не тюрьма здесь самое главное. Ты этим всех от себя на всю жизнь оттолкнешь — сам в шкуре зверя окажешься! В полицию — бесполезно. И даже, — поводит пальцем над столом, — даже нерезонно: себе дороже может

выйти! Это как они повернут. Наказать кого-то за то, что пили в беседке, костер там разводили, и разбираться с ними не станут — не в общественном же месте они хулиганство свое проявляли. А тебя затаскают. Кто тебе землю под эту беседку давал, а? Да никто! Сам захватил — захотел и построил... А за это, знаешь, и по шапке получить можно. Снести заставят, а мало того — и штраф выпишут, пенсии твоей вряд ли хватит... Могут так повернуть? Да и глазом не моргнут! И ведь правы будут! Так что ни один твой вариант не годится.

И ты, Фомич, всех одним аршином не меряй! Есть ведь и хорошие люди, да таких, наверное, и больше. А этих я научу родину любить! Сам найду и разберусь, на уши всех поставлю, но гниль да труху разную из них вытряхну. Это я тебе обещаю! Они еще извиняться к тебе на карачках приползут и беседку отремонтируют, и стол новый сами сделают. Я их проучу, заставлю! Не справлюсь, скажешь! Да я же смотри, — распахнул он ворот, — в десанте служил! А безобразничают молокососы трусливые да хмыри, которые от безделья дурью маются. Управу на них сам найду! Так что успокойся, Фомич, и давай на боковую — утро вечера мудренее...

Они разошлись. Василий проводил соседа до уже заботливо расправленной кровати:

— Все, Фомич, наладится! Мы еще мой день рождения там справим. Удочку дашь — снова всех с носом оставлю.

Пескарь ничего не ответил, повернулся к стенке и заснул...

8

Настасья Петровна раза два за ночь вставала с кровати и на цыпочках подходила к нему, осторожно дотрагивалась: дышит ли? Она с детства была напугана. Тогда ее отец заснул пьяным и больше не проснулся.

После бессонных ночей Пескарь спал без задних ног. Он почти до утра даже не шевельнулся и, лишь когда солнце выглянуло из-за леса, повернулся лицом в зал, приподнялся на кровати и осмотрелся. Ему смутно помнился вчерашний вечер, а потому на душе было муторно — так, будто он по пьяной лавочке таких дров наломал,

что и сам себе представить не мог. «Может, соседа обидел, а тем паче в морду ему с горячки въехал? Может, лишнего чего нагородил, околесицу или напраслину какую... На кой грех так напился? Беседка? — он с грустью прикинул, что там было вечером и ночью, и пожалел, что удочки оставшиеся домой не принес. — Эх, не было печали — черти накачали! Нажил сам себе хлопот... А ведь жил бы и в ус не дул...»

Во рту было сухо, в горле першило, язык как картонка. Пескарь знал, что в холодильнике у жены есть водка, с какой-то травой настоянная, — она его после бани частенько потчевала, но толь по стопочке — можно было втихаря и этим приторно горьковатым пойлом промочить горло, но от одной такой мысли с души воротило. Он прошел в кухню, открыл кран и дождался, когда из него побежит холодянка, набрал полный ковш. Пил жадно и шумно, будто не глотал, а каменья в свою утробу забрасывал, пил и меры не знал.

Ковш Пескарь опорожнил до дна, опрокинул его над раковиной, стряхнул оставшиеся капли и повесил на гвоздь. После воды полегчало. Она даже будто хмельной была, малость опьянила его, вскружила голову. Он снова шмякнулся на диван, нырнул под одеяло и затих в дреме, а потом и вовсе заснул...

Пескарь тихо и ровно посапывал и улыбался во сне дитем малым. Ему снилась беседка. Она была не такой, какой он ее оставил, а похожей на царские хоромы. Окна — белые-белые, в рамах стекла радужно переливаются. Двери резные арочные. На князьке — контур лосиный и такой, что словно это и не вырезанная из дерева фигурка, а голова настоящего лесного красавца-великана — лося на реву. Крыша на беседке светлая и блестящая, будто зеркала на нее наброшены, в которые смотрят и любят торопящиеся куда-то облака. А вокруг — райский сад: аллейки цветущих яблонь, на ветках соловьев — гибель! Их считать — не пересчитать! И все будто с ума посходили, сыплют веселыми трелями, словно они турнир здесь свой соловьиный проводят. Из самого конца аллейки приближалось что-то расплывшееся, туманное. Оно все ближе и ближе и наконец остановилось... Да это же стол! Большой, широкий, накрытый старинной вышитой ска-

тертью. За столом в обнимку сидят сосед Василий и тот рыжий конопатый паренек. Оба лыбятся, о чем-то любовно толкуют. Напротив — почтальонка-всезнайка. Та сидит веселая, довольная и даже плечиками от радости большой подергивает, но рта не раскрывает. Рядом с ней — Танька-продавщица, руками разводит, будто она хором соловьиным дирижирует.

А за аллежкой бабочкой порхает по ромашковому лугу Лерка, цветы собирает. На ней платьице легкое, нарядное. На голове веноч из ярких и пышных ромашек...

Но вдруг соловьиные трели смолкли разом. С яблонь, будто снег, густо посыпал цвет. Они обнажились и исчезли, будто их здесь и не было. Их тут же сменили корявые и неуклюжие ивовые кусты. Убежала с ромашкового луга внучка-ангелочек. Дружно встали из-за стола и сидевшие в обнимку мужики. Разошлись по сторонам Танька-продавщица и почтальонка...

Над беседкой, которая вмиг потускнела, тучей, закрывающей все небо, летели мрачные темные вороны. Они с шумом рассаживались на кусты ивняка, пригиная их почти до самой земли, и наперебой закричали: «К-а-а-р-р-р! К-а-а-р-р-р!»

Их карканье становилось все громче и громче. Кар резал уши, становился невыносимым. Пескарь спросонку натягивал на себя одеяло, попытался накрыться наглухо, чтобы оборониться от налетевших невесть откуда ворон. Но одеяло вдруг кто-то резко и с силой сбросил, затряс его так, что вот-вот он с дивана, будто ши прольет, грохнется.

Он очнулся в страхе, что откроет глаза, а вокруг его тьма черных как смоль, грозных, каркающих птиц.

Но будила его и трясла, будто отбойным молотком, Настасья Петровна:

— Федо-р-р! Федо-рр! — причитала она. — Да вставай же! Федо-рр! Беда ведь у нас! Василия убили...

Пескарь с дивана, будто с плиты раскаленной:

— Белены объелась?! Какого Василия?

— Соседа нашего!

— Чего мелешь? Мы же вчера с ним сидели...

— Зарезали, сказывают, его... В больницу увезли, сейчас операцию делают. Но врачи говорят, не жилец он!

— Может, зря мелют? Может, с кем перепутали?

— Да его резанули! Зинка ни свет ни заря к нему в больницу укатила да и сейчас все еще там.

— Как же он поддался тогда? Силы — кулаком быку лоб проломит, да и приемы знает — десантником был...

— Кто ножом Василия саданул — уже в милиции в каталажке сидит. Сразу, говорят, нашли. Собой невидный, метр с шапкой, одним словом, шибздик, а Василия загубил... Похоже по разговорам да чуткам — племянником будет Лидке. Он его несколько раз пазганул, крови Василий, сказывают, много потерял... Еще бы немного — и жить ему наплевать было.

— Малолетка — это понятно. Они ныне какие-то злые и не понимают, что творят.

— Главное в том, — Настасья Петровна опустилась на корточки перед мужем, — что они его около твоей беседки так отлупили. Теперь и тебе, наверное, перепадет — затаскают из-за нее, статью какую не то пришьют... Как бы и тебя не посадили.

— Да как он там оказался? Ночью же от меня ушел!

— Ушел, — она пытливо заглянула в глаза мужу. — А потом туда за реку убег... Скажи, это ты его насомускал, среди ночи его на погибель отправил?

Пескарь опустил глаза, молчал. Он вспомнил слова Василия: «Я их проучу! Они еще на карачках к тебе приползут...» Сейчас он проклинал и себя, и эту беседку, и даже продавщицу, которая дала ему водки в долг. Был бы трезвым — может, и словом не заикнулся, не стал бы плакаться перед Василием. И ничего бы этого не было...

— Женька-ветеринар дома? — спросил он, встав с дивана.

— А он тут при чем?

— При том, что в больницу надо ехать, проведать, у врачей все узнать. А то тот сказывает, другой, а сами наверняка тоже от кого-то слышали...

— Да сейчас под окошком крутился, с мотоциклом копался, — затараторила она и глянула в окно. — Беги быстрее! Навострился он куда-то, в каске уже ходит.

Пескарь, ног не хватая, метнулся на улицу.

Зинка, жена Василия, окаменело сидела напротив операционной, не отрывая глаз от двери, откуда доносились негромкие команды врача, металлом по металлу звенели медицинские инструменты.

Пескарь и Женька-ветеринар присели рядом, почти шепотом поздоровались. Зинка повернулась к ним, вытерла платком покрасневшие глаза, кивнула головой в ответ и вполголоса произнесла:

— Вот мужики, дожились! Людей своих дома стали, как овец, резать... Второй час уже оперируют. Да хоть бы все ладно было...

— Да все будет нормально, — подхватил ее слова ветеринар, — и хирург у нас с головой, и Василий мужик еще того пошива — крепкий, выносливый. Как уж его так?

— Участковый говорил, что они его сначала чем-то по голове сзади шарахнули, оглушили... А потом и ножом пырнули. Испинали — живого места нету. Как еще до дороги дополз. Там его незнакомые дальнобойщики подобрали и сюда привезли. Сама дура, надо было мне с ним ехать. Уперся — пешком схожу! Проветрюсь. Вот и проветрился! — она вытерла слезы, продолжила: — Ведь сколь живем, ни разу не дрался! Разнимать мужиков — это он мог! А мордобой стороной обходил... Хотя и силищи было — хоть займуй, и в десанте служил...

— Чего ты, Зин, о нем как о покойном. Все будет хорошо. Прооперируют, подлечат, и все в нужную колею встанет. Так, Фомич?

Пескарь молча кивнул, не приставал к словам. Своими мыслями он был там — на берегу реки. Он не видел ничего того, что там ночью произошло, но теперь понял все и с новой силой казнил себя: виноват, натравил, науськал Василия! И чего он один пошел?

Открылась дверь операционной, вышел врач, вытирая полотенцем потную шею, подошел к жене Василия:

— Раны не столь опасные. Но крови потерял много. И голова рассечена. Как только череп не раскололи! Месяц пролежит здесь — это точно, а потом увидим, как пойдет... Сейчас он в бесчувствии, через час отойдет от наркоза, но желательнее сегодня не тревожить его...

Врач кивнул на прощание и быстро потерялся в больничных коридорах. Жена Васи-

лия снова села в откидывающееся жесткое кресло, осталась ждать, когда медсестры повезут на каталке ее мужа: хоть глазком глянуть — и то рада!

Мужики вышли из больницы на улицу — там на солнцепеке, как ласточки на проводах, сидели на скамейках больные. Меж ними терялись те, кто поджидал автобуса или попутки. Краем глаза Пескарь увидел и Лидию Дмитриевну, сидевшую в центре оживленной разношерстной компании, все наперебой обсуждали сегодняшнюю поножовщину...

Он остановился прикурить — на ходу мотоцикла вряд ли бы удалось. Он все узнал, поуспокоился. Значит, с Василием, как сам врач сказал, все наладится... Компания, увидав Пескаря, притихла. И только Лидия Дмитриевна вытаращила на него свои маленькие змеиные глазки и понесла во весь голос:

— Ну что, Фомич, доигрался? Построил там гуляй-городок! Теперь что? Одного — племянника моего — в тюрьму отправишь, соседа своего по-соседски в инвалиды записывать?! Знаю я, что там у тебя делается! Гадюшник организовал! Там, погодите, еще не такое у него будет! Почище...

Пескаря будто варом обдали. Покраснел, желваки на скулах заходили. Он не угадывал спичкой по коробку, сломал одну, другую, потом скомкал сигарету и швырнул ее подальше в сторону. Затарахтел мотоцикл, на скамейке оживились, осмелели в пересудах. Лидия Дмитриевна даже с места соскочила, чуть с кулаками на них не бросилась. Она со злом и ненавистью в глазах крикнула вслед Пескарю:

— Не моего племянника в тюрьму надо сажать, а тебя туда законопатить! всю жизнь у него исковеркал! Удумал тоже — домик для отдыха построил, так говорил бы прямо — для пьянки да мордобоя! Ни стыда, ни совести нет, и креста — тоже! Дом публичный еще откроет... Разнести все там в пух и прах надо, спалить дотла, чтобы и следов не осталось! И золу по лугам рассеять — хоть толк какой будет.

Ветеринар гнал как на пожар, не обращая внимание на выбоины, не снижая скорости ни перед ними, ни перед встречными машинами. В низине, откуда вниз по реке уходила, прячась в зелени, тропинка, ведущая к омуту с беседкой,

Пескарь захлопал мотоциклиста по плечу и громко прокричал ему на ухо:

— Тормози! Схожу посмотрю, что там творится!

Евгений послушно остановился:

— Сходил бы с тобой, да с утра обещался побывать, — мотнул он головой в обратную сторону. — Свинья пластом лежит — посмотреть надо. Обратно поеду — могу забрать. Часа через два...

Пескарь махнул рукой:

— Не заезжай — пешком дойду!

Неподалеку от поляны трава была вытоптана, будто кто лошадь или корову к кустам навязывал. Пескарь остановился и пристально осмотрелся по сторонам. Под примятой травой что-то блестело. Он наклонился: зажигалка! Та самая, которую еще вчера он видел у Василия... «Значит, здесь они его в оборот взяли...» Пескарь еще раз внимательно оглядел все вокруг: больше ничего не было, только примятая трава...

Со стороны беседки послышалась визготня, которая тут же сменилась другими голосами — смехом, гоготанием, криками. Он спешно выбрался на поляну. Удочек, прислоненных к кусту, не было. Беседка без пленки на окнах (обрывков даже не свисало) просматривалась насквозь, но просвета почти не заметно: народу там как сельдей в бочке!

Пескарь, не таясь, вышел из кустов, смело направился к беседке. Галдеж не стихал, пока он не появился у самого окна. Но потом, видимо, так поздно заметили его, пацаны закричали, загикали, будто встревоженные вороны, и, толкаясь в дверном проеме, выскочили на поляну. Но они не бросились наутек сломя голову, а отбежали метров на полста и встали дружной стеной.

Он погрозился им и, переступая через пустую замызганную дорожную сумку, вошел в беседку. Пескарь узнал сумку сразу: та самая, которую мальчишка-хилак выпустил из рук, спасаясь от погони. А он спрятал ее в пестовнике под кустом да и позабыл про нее. «Нашли-таки!» — ёкнуло у него внутри. Пескарь со злостью отфутболил ее в дальний угол беседки. Сумка вертанулась в воздухе, глухо шлепнула по стене.

В беседке было сорно, как в старом заброшенном хлеву. На столе — батарея бутылок пива. Пескарь схватил по одной в руку, выскочил на поляну и демонстративно их разбил, с си-

лою ударив друг о друга. Звон стекла, журчание вырвавшегося на волю пенного перебуто-ренного пива, ядреный хмельной запах. Другие бутылки он уже колошматил внутри, не отходя от стола. Осколки стекла разлетались по всей беседке, хрустели под ногами и впивались в толстую резиновую подошву.

Пацаны, окружив беседку полукругом, медленно приближались к ней. Впереди, о чем-то переговариваясь, шли рослые и, судя по внешнему виду, вовсе не сельские. Они на ходу закатывали рукава. За ними тянулись и остальные.

Пескарь, не видя, что творится за окнами, схватил последние бутылки, уже взмахнул руками и... замер. Он увидел окружающих его пацанов, поймал их пустые пьяные взгляды — полные злости и ярости и, хрустя битым стеклом и не выпуская из рук бутылки, выскочил из беседки, встал перед ними, сгорбился, словно борец на арене перед решающей схваткой. Пескарь сейчас был похож на солдата-смертника, сошедшего с военной киноленты. Он стоял с бутылками-гранатами в руках и готов был взорвать в любой момент и себя, и своих противников. Отступить он не собирался — позади была беседка.

Они быками стояли друг против друга. Пескарь обошел немигающим взглядом всех до одного, понял по их глазам и нахмуренным лицам, что каша заваривается нешуточная, но давать слабину не собирался. Он пошел ва-банк — выпрямился и даже откинулся всем торсом, громко крикнул каким-то не своим, неестественным голосом. В лицо брызнули вонючие пенные брызги, под ногами зазвенело битое стекло.

Толпа не шелохнулась. Все сразу глянули на верзилу, который по сравнению с Пескарем верстой коломенской был, и затихли в ожидании. А тот, будто робот, вальяжно сделал шага два вперед, не моргая своими неестественно большими и мутными глазами, скомандовал:

— А ну, дед, теперь в магазин ноги делай! Сколь разбил, столь и принесешь. Можешь и больше, чтобы мы на тебя зуб не имели и грех твой простили.

— Вот вам! — Пескарь согнул руку в локте и ошетинился ежом. — Видали?!

Бутылочное горлышко, которое стало похоже на стеклянный, сверкающий на солнце совок с острыми радужными краями, он крепко сжимал в кулаке. Сжавшись пружиной, Пескарь суматошно оглядывал каждого: кто из них бросится первым или рванут всей стаей разом? Но все стояли на месте, оцепенели и смотрели какими-то необычно большими и мутными, похожими на звериные глазами. Даже тот пижонистый отступил обратно.

— Ты что, дед? Пиво не твое. Нечего было и тогда от нас прятать. С катушек съехал, что ли?

— Вот я-то и не съехал! — огрызнулся Пескарь. — Это вы спятили, с ножом на Ваську набросились... Со мной такой номер не пройдет! Хоть одного да зацеплю...

— А это не мы! Зря ты нам это пришиваешь, — ответил вожак-робот. — Нас здесь ночью и близко не было. Слышали только об этом. Нас участковый уже всех до одного чуть ли не под микроскопом проверял. Чисты! Давай-ка лучше сговоримся. Ты за пивом слетаешь — посидим, мировую устроим! Чего ты на дыбы сразу?

— За пивом? Мировую? — сверкнул глазами Пескарь. — Да если и не вы соседа моего в больницу отправили, все равно вы с ними одного поля ягода. Никакого пива не будет, не ждите!

Рослый что-то заговорил, но Пескарь не слышал. До него доносился другой голос: «Построил там гуляй-городок... Гадюшник устроил...»

Он окинул взглядом: напротив его уже скупились, стали похожи на свежий стог сена — в самом центре верста коломенская, его по ранжиру окружили другие. Что-то новое замышляли, поглядывая на Пескаря. Он отбросил в сторону свое оружие и быстро забежал за беседку, наклонился и заглянул под нее. Закрытый свернутой в рулон берестой топор лежал на месте. Он вынул его и положил рядом. Потом пробежался глазами по беседке сверху донизу, что-то прошептал себе под нос и чиркнул спичкой. Просохшая береста занялась сразу. Рыжий огонь с темными завитушками заскользил по обшивке. По белым, как коленкор, доскам поползла чернота. Они вспыхнули, затрещали...

— Бежим отсюда! — услышал он голоса с поляны. — А то снова ни за что ни про что прихотутают...

Пескарь с топором в руках появился из-за пы-

лающей беседки. На поляне уже никого не было. Он постоял минуту, будто на кладбище, с обнаженной головой и, не оглядываясь, направился к дороге. Ветеринар догнал его около самого дома. Подлетел как ошалелый, испуганный:

— Фомич! Беседка, похоже, горит — дым столбом и огонь выше кустов полыхает. Садись — поедем, может, и залить что успеем...

— Горит? — без удивления и испуга переспросил Пескарь и тут же сам ответил на свой вопрос. — Тогда пусть горит... — А отойдя на пару шагов от ветеринара, обернулся и добавил: — Да гори она синим пламенем!

До вечера Федор Фомич носа из дома не показывал. Сидел у окна туча тучей, молча одну за другой смолил сигареты. Жена несколько раз пыталась к нему подъехать, успокоить:

— Да не убивайся ты! Подумаешь, невелики и траты были! Только вот Василия жаль. Если быть честным, из-за тебя же кару такую принял ни за что ни про что... Давай настойки своей налью. Полегчает, может...

Пескарь даже глазом не повел на Настасью Петровну. Думал: «Кабы с Васюткой... Я бы не стопку, бутылку бы смог сейчас за милую душу на грудь принять...»

Под вечер он, как немтырь, не говоря ни слова жене, подпоясался широким солдатским ремнем, заткнул за пояс топор. Настасья Петровна встревожилась, с опаской спросила:

— Куда с топором?

Он, не задумываясь, ответил напрямую, тихо и без всякого лукавства.

— На поле заросшее схожу. Внучке удочку срублю, а то придет — и беседки, и снастей у меня нет. Себе удочку присмотрю... Да и Васютке, пожалуй, тоже. Я же обещал его на рыбалку сводить... Свою. А пока принесу. Завтра ошкурю, сушить подвешаю, потом краской подерну. Им потом в радость, и мне — работа.

Он тихо скрипнул калиткой...

На закрайке поля, откуда начинался тонкий длинноствольный березняк, Пескарь обернулся, с тоской и печалью в глазах посмотрел в сторону Яшкиного омута. Дым над ним уже рассеялся. Даже следов его не осталось...

□

Алексей Александрович АКИШИН

родился в 1952 году в дер. Паратенки (Костромская обл.).

Окончил факультет журналистики

Московского полиграфического института.

Около 40 лет работал в районной печати.

Автор двух книг прозы — «Вася-Нептун» (1995),

«На цветущем лугу» (1999).

Печатался в журналах «Охотник» (Москва),

«Губернский дом» (Кострома), «Первоцвет» (Иркутск) и др.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Живет в селе Павино Костромской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

